

Магический код

Автор:

Ольга Егорова

Магический код

Ольга Егорова

Средиземноморский отпуск Ивана давно закончился, но из памяти не уходило впечатление от вызывающего и завораживающего танцевального номера в вечернем шоу, которое отель организовал для развлечения гостей. Его исполнительница будоражила мысли и чувства успешного молодого архитектора, его неодолимо влекло к ней. И когда Иван узнал, что загадочная девушка живет в его родном городе, он не мог устоять перед искушением поближе с ней познакомиться. Диана не отталкивала неожиданного поклонника, но и слишком близко не подпускала. В жизни ее было множество тайн, и Иван хотел узнать их все до одной...

Ольга Егорова

Магический код

Узкая дорожка, вымощенная булыжником и обрамленная высокими игольчатыми деревьями, названия которых Иван не знал, но про себя условно называл пихтами, спускалась к пляжу. В пять часов утра на этой дорожке ни души, воздух удивительно, нереально свежий. Оранжевое круглое солнце висит уже над самым морем, словно только что из него вынырнуло, и, если присмотреться, кажется, можно разглядеть, как стекают с него соленые капли. С дорожки прекрасно просматривается кромка берега, а если обернуться, то можно увидеть еще и огромную синеватую гору, острием вонзающуюся в бесподобно чистое и абсолютно голубое небо.

Замечательная дорожка. Можно было бы, конечно, выкинуть лишнюю пару сотен баксов и взять пятизвездочный отель. Иван и собирался так сделать, но что-то остановило. Теперь-то он об этом не жалел – ведь у пятизвездочного отеля пляж прямо на территории, и не было бы тогда этой замечательной каменистой дорожки, сбегаящей от отеля к пляжу. И неизвестных игольчатых деревьев по обеим сторонам тоже не было бы. А возможно, даже солнце не казалось бы таким оранжевым, круглым и мокрым.

Больше всего он любил эти утренние часы и эту дорожку. За две недели, проведенные на турецкой Ривьере, уже почти сроднился с ней и знал наверняка, что, вернувшись домой, непременно будет ее вспоминать и тосковать по ней.

Как-то раз утром даже прихватил с собой на пляж видеокамеру и добрых минут пятнадцать снимал эту дорожку и оранжевое солнце в конце узкого туннеля между шеренгами игольчатых деревьев. И сами игольчатые деревья, и заморских птиц, подозрительно смахивающих на обыкновенных российских воробьев, снимал тоже, и полосатую кошку, которую встречал здесь, на дорожке, почти каждое утро. Кошка также имела вид обыкновенной русской мурки, но на «кыс-кыс» упорно не отзывалась, из чего Иван сделал вывод, что кошка все же была турецкой, просто имела внешность, соответствующую международным стандартам обыкновенной дворняги.

Вот ведь достопримечательность. Нет, конечно, как нормальный турист, за эти тринадцать дней он побывал везде, где только можно было побывать. И купель Афродиты видел, и наскальные могилы, и город затонувший. Но почему-то скучал на экскурсиях и с тоской ждал, когда же наступит очередное утро и он снова спустится к пляжу по каменистой дорожке, млея от совершенно идиотского чувства сопричастности чему-то волшебному.

«Воздух-то какой», – снова подумалось с наслаждением. Спустившись наконец к пляжу, Иван сбросил с плеча желтое отельное полотенце, небрежно накинул его на спинку шезлонга, так же небрежно сбросил спортивные шорты и сланцы. Море тихонько шумело у ног, словно узнавая. Море было одуряюще спокойным, сонным, по-настоящему утренним и бесподобно сине-зеленым. И пахло так, как может пахнуть только море.

Неподвижно застыв у кромки берега, Иван некоторое время любовался круглым оранжевым солнцем, предаваясь абсолютно непотребным для его двадцатидевятилетнего возраста мыслям о бесконечности Вселенной, о величии

этого огромного сине-зеленого моря и об историческом прошлом этих мест, оживляя перед глазами картинки жизни Византийской империи. Ранним утром на пляже было спокойно. Наслаждаться этим почти интимным общением с морем и историческим прошлым запросто можно было часов до семи, а то и до восьми – это уж как повезет. Чаще всего интимность ситуации нарушалась около половины восьмого, когда первые любители утреннего загара лениво появлялись из пихтового туннеля, точно так же лениво и небрежно раздевались и, как водится, с разбегу, с громкими воплями ныряли в воду. Спустя секунды их восторженные мокрые лица с прилипшими ко лбу волосами показывались на поверхности, раздавалось веселое покрякивание и одобрительные возгласы: «Водичка, водичка-то! Эх, до чего теплая! Молоко парное, а?»

Иван в это время, как правило, был еще далеко от берега, но в утренней тишине восторженные вопли соотечественников доносились до него со всей отчетливостью. Любители утреннего загара здесь были исключительно русскими. Несмотря на то что добрая половина населения отеля была французской, на пляже в такую рань французов встретить было невозможно. Они вообще пляж не жаловали – предпочитали располагаться у бассейна, выказывая полнейшее равнодушие к живой, волшебной и совершенно нехлорированной воде. В начале девятого, глядя на всю эту пляжную картину, можно было сильно усомниться в том, что находишься не в Сочи и не в дачном поселке Терновка, что в двадцати километрах от Саратова. Пляж становился абсолютно домашним и пролетарским. Только флаги, русский, турецкий и французский, развевающиеся на высоком шесте над шашлычной будкой, да парнишка с убедительной турецкой внешностью и таким же убедительным турецким акцентом, абсолютно незаметно подтаскивающий синие лежаки к шезлонгам, нарушали славянскую идиллию, царящую на средиземноморском пляже мусульманской страны.

Измотанный почти двухчасовым заплывом, Иван приближался к берегу, на котором все отчетливее и чаще звучали довольные голоса отдыхающих. «Нет, жрачки, жрачки-то сколько! А вино, гады, бодяжат! Знают, сволочи, русскую душу, а? Если б они вино не бодяжили, давно бы уж все отели по миру пошли... Ах, черт, хорошо-то как! До чего ж хорошо!»

«До чего жаль уезжать будет!» – привычно подумал Иван, совершив в уме нехитрые подсчеты и получив в результате цифру «ноль»: поскольку трансфер в аэропорт ожидается завтра в половине седьмого утра, стало быть, это его последнее волшебное утро. Что ж, все хорошее когда-нибудь заканчивается. В

двадцать девять лет пора бы уже и прекратить так отчаянно расстраиваться по этому поводу.

Через минуту он был уже далеко от берега, легко скользя под водой почти у самого дна и ощущая всем телом глубинную прохладу. Сильные, натренированные легкие свободно позволяли провести под водой минуту, а то и больше. Несколько гребков руками – и вот уже осталась позади «полоска безопасности», предупреждающая туристов, что пора бы и к берегу повернуть. Ивану же, с его десятилетним стажем профессионального пловца, такая дистанция казалась смешной. А поскольку в такой час никаких спасателей на пляже не было, никто не собирался мешать ему плыть все дальше и дальше, никто и не думал свистеть вслед и поспешно снаряжать в погоню за сумасшедшим пловцом моторную лодку с целой командой на борту. Плыви себе сколько хочешь – хоть в открытое море, хоть в океан. И Иван, наслаждаясь этой возможностью буквально как в детстве, когда родители уезжали на дачу с ночевкой, а он, тринадцатилетний, чувствовал себя абсолютно взрослым, плыл и плыл вперед. Плыл до тех пор, пока, обернувшись, не понимал, что шезлонги на пляже превратились в едва различимые точки, да и сам пляж кажется крохотным, и видно на берегу только деревья с условным названием пихты и огромную синюю гору, верхушка которой в это время уже начинала теряться в тумане. Сил оставалось еще предостаточно, но он все же позволял себе немного отдохнуть, всплывал животом на поверхность, раскидывал руки в стороны, замуривал глаза и лежал долго-долго, наслаждаясь раковинным гулом в ушах, чувствуя себя крошечной, но какой-то удивительно значимой частью и этого моря, и этого мира...

«Черт, вот не повезло-то!» – с досадой подумал Иван, увидев, как впереди мелькнула и снова скрылась под водой, блеснув на солнце круглой лакированной спинкой, какая-то рыба. Еще одной неприлично детской фантазией Ивана была мечта увидеть дельфина. Не дрессированного, одомашненного в дельфинарии, а настоящего, живого и дикого посреди моря. Вот это была бы встреча! Впрочем, часть тела неизвестной Ивану рыбы никак не могла оказаться частью тела дельфина, уж больно она для этого была маленькой. Конечно, это мог быть маленький, новорожденный дельфин, но Иван считал, что таких вот маленьких дельфинов в далекую прогулку в полном одиночестве едва ли отпустят родители.

Круглая и блестящая на солнце рыба спина вскоре снова показалась над водой в метре от головы Ивана. И при ближайшем рассмотрении оказалась вовсе не

частью тела рыбы, а человеческой головой. Женской головой, о чем однозначно говорили две тугие и мокрые короткие косицы, перехваченные на концах розовыми резинками и торчащие в разные стороны. Два круглых глаза, цветом абсолютно не отличающиеся от цвета волн, словно и не глаза это были вовсе, а две большие и круглые застывшие на девичьем лице капли моря. И тонкая рука, взметнувшаяся над водой и тут же опустившаяся вниз – Иван успел заметить узкую ладонь и поблескивающий на коротко стриженных ноготках плотно сжатых пальцев желтовато-бежевый лак.

Вот тебе и новорожденный дельфин.

«Девчонка», – пронеслась в сознании абсолютно нелепая мысль. Он даже забыл на минуту о том, где находится, перестал двигать руками и ногами, в связи с чем незамедлительно пошел ко дну. Но тут же вспомнил, торопливо вынырнул, отплевался и снова увидел перед собой все те же две мокрые косицы и синезеленые глаза. Глаза зыркнули на него с тревогой.

– Вы что, тонете? – раздался ее голосок. Впрочем, несмотря на то, что в синезеленых глазах плескалась тревога, голосок показался Ивану насмешливым.

Девчонка, по всей видимости, все же была настоящей, если разговаривала да к тому же еще и насмешничала.

Иван молчал, пораженный неожиданным фактом этой встречи и собственной реакцией на то, что воображаемый дельфин оказался всего лишь девчонкой.

Девчонка некоторое время молчала тоже. Движения ее рук в воде были неразличимы, и Иван невольно задумался о том, как же она держится на поверхности, вообще не двигая руками. Не иначе там, под водой, скрывается шикарный хвост русалки...

Русалка его молчание истолковала по-своему.

– Вы француз, да? Не понимаете меня?

– Никакой я не француз, – выдохнул наконец Иван. – И вообще, с чего ты взяла, что я тону?

– С того, что ты камнем под воду ушел, и взяла, – снова усмехнулась она, сверкнув сине-зелеными глазами. И, видимо посчитав, что разговор исчерпан, снова нырнула и скрылась, растворившись в сине-зеленой глубине. Иван успел заметить только, как мелькнули в прозрачной толще воды ее розовые пятки, и подумал почти с сожалением – нет, не русалка. Голова с торчащими косицами вскоре снова показалась на поверхности – уже достаточно далеко – и спустя несколько секунд снова исчезла. Иван, поймав себя на мысли, что вот уже добрых пять минут стоит как светофор посреди моря, то и дело моргая глазами и не двигаясь с места, почти разозлился. Круто развернувшись, поплыл дальше, вперед, твердо решив на этот раз измотать себя так, как еще ни разу не изматывал. Непонятно, почему это появление девчонки в ста метрах от берега его так удивило. Пусть даже не в ста, а в ста пятидесяти метрах – в самом деле, ведь на свете есть еще тысячи людей, способных проплыть такое расстояние без риска для жизни. Вполне вероятно, что девчонка тоже занимается плаванием, ходит в какую-нибудь детско-юношескую спортивную школу на тренировки пять раз в неделю, как и он ходил несколько лет назад, а оттого и не боится так далеко заплывать.

Девчонка. Дельфин новорожденный. Русалка без хвоста. Дельфин и русалка, сюжет этой песни... Черт, и что это он все время о ней думает? И почему это он плывет уже к берегу, да еще с такой скоростью, как будто боится проиграть олимпийский заплыв? Ну неужели и правда для того, чтобы узнать у нее, в какой детско-юношеской спортивной школе она занимается? Как будто это и в самом деле так важно. Да и не догнать ее теперь, с жалостью подумал Иван, вон ведь уже маячит на берегу тонкая фигурка, подпрыгивает, кажется, на одной ноге – вода, наверное, попала в ухо. Вот перекинула через плечо желтое отельное полотенце, обернула небрежно вокруг бедер какую-то цветастую тряпочку – и вот уже скрылась в пихтовом туннеле, а ему до берега еще метров пятьдесят, никак не меньше, плыть осталось...

Никаких следов пребывания девчонки на пляже не осталось. На пляже вообще ничего не изменилось, и это на мгновение показалось Ивану странным. Непривычная тишина и полное отсутствие восторженных сограждан у кромки воды однозначно говорили о том, что в это утро Иван вышел на берег слишком рано. Мог бы плавать еще по крайней мере с полчаса, а то и больше. Ведь последнее утро, последний заплыв – а он, как дурак, валяется на берегу и смотрит на синюю гору, почти полностью скрывшуюся в тумане. И думает совсем не о синей горе, а о той самой девчонке, в реальность встречи с которой теперь уже почему-то не очень сильно верилось. Хотя непонятно, что такого особенного было в этой встрече и в этой девчонке. Разве что место этой встречи. Разве что

глаза сине-зеленые, цвета моря, и две тугих косы с резинками. Впрочем, и в этом не было ничего необычного. Здесь ведь пляж – мало ли кому, кроме него, могло взбрести в голову совершить в пять часов утра марафонский заплыв, если учесть, что этот «кто-то» занимается в детско-юношеской спортивной школе и не любит, как и он, спать до обеда. И она ведь девчонка – что может быть удивительного в обычных косицах, скрепленных обычными розовыми резинками, которые продаются на каждом углу по рублю за штуку? Вот только цвет глаз...

Цвет глаз на самом деле был необычным. Тут уж не поспоришь. Сине-зеленый цвет, в точности повторяющий цвет моря в это утро. Именно в это утро.

Совпадение, не более того. Мало ли в жизни бывает совпадений, невнятно пробормотал его внутренний голос. Если бы в это утро цвет моря был другим, ничего особенного не было бы и в ее цвете глаз. А испытывать томление в груди при виде девочек с косичками, скрепленными розовыми резинками, – это, господин Ламихов, дурная привычка. Вредная, патологическая привычка, от которой давно уже пора избавляться. Ведь всем давно известно, что девочки с косичками имеют свойство со временем превращаться в настоящий кошмар, кошмар всей жизни, собственно, как и то, что эти девочки могут играть с этой жизнью, вытворять с ней все, что им заблагорассудится, превращая эту жизнь в свою собственную куклу Барби. Или в пластилиновую фигурку, которую можно согреть руками, теплым дыханием, сделать податливой и мягкой, а уж потом лепить из нее то, что хочется. В зависимости от настроения. Можно цветочек-василечек, а можно какого-нибудь симпатичного монстра.

Как, например, Вера. Вера очень любила пластилиновых монстров.

Только не думать о Вере, приказал себя Иван, приподнялся на локтях и принялся механически перебирать пальцами мелкие камушки возле берега. Вспомнив наказ матери о том, что непременно надо бы привести с моря каких-нибудь необыкновенных экзотических камней, чтобы разложить их потом в цветочных горшках с кактусами, он добросовестно принялся изучать эти камни. Но, как ни старался, ничего такого необыкновенного и уж тем более – экзотического отыскать не смог. Камни были как камни, совершенно обыкновенная галечная крошка, такой крошки на дачном берегу – пруд пруди, да на любой стройке найти можно. По большей части крошка была совсем уж мелкая, изредка попадались камушки побольше, размером с перепелиное яйцо. Но по форме были или овальные, или треугольные, или вообще ни на что не похожие, по цвету – или серые, или черные. Спрашивается, для какой цели он будет

загружать и без того тяжелую сумку этими обыкновенными булыжниками и тащить их через весь континент? Нет, конечно же не стоит этого делать, подумал он и принялся складывать отдельной горкой камушки черного цвета овальной формы, возводя рядом с ними другую горку из камушков серого цвета треугольной формы.

Вскоре у кромки воды уже возвышался двухбашенный замок. Нет, напрасно он не пошел в архитектурный. Ведь говорили же преподаватели в школе, что у него талант.

Еще какое-то время ушло на обустройство ограждения для замка. В общей сложности весь процесс занял минут двадцать.

И все это время он упорно старался не думать о Вере. И думал о том, что он не думает о Вере. И удивлялся в который раз этой дурацкой способности человеческого серого вещества, которое просто не может ни о чем не думать. Ни минуты, ни секунды. Вечный двигатель. Такую бы энергию – да в мирных целях...

Море плескалось почти у самой линии ограждения замка, с вялым интересом изучая возведенное сооружение. Издалека уже доносились голоса первых утренних посетителей пляжа. За прошедшие тринадцать дней Иван настолько привык к этим голосам, что стал даже узнавать их. Низкий, чуть хриловатый басок с раскатистым и долгим «р» – это мужчина в синих плавках, с большими залысинами на голове, отвисшим лягушачьим брюшком и короткими мускулистыми ногами бывшего штангиста. Наверняка удачливый бизнесмен. Тихий, грудной и мелодичный голосок – это его дочка, девчонка лет четырнадцати с формами, воспетыми Рубенсом, и прической в стиле самых продвинутых диджеев MTV – Вирсавия Зеленовласая. Высокий и тонкий голос – жена бизнесмена, наверняка оперная певица, капризная дама с мощной грудной клеткой и тонкими пальцами аристократки в пятом поколении. Пальцы унизаны перстнями в худших традициях директрис овощных магазинов доперестроечных времен, однако «беломорина», с непринужденным изяществом зажатая между большим и средним, создает некую богемную ауру, в то же время категорически отрицая принадлежность дамы к оперному искусству. Нет, оперная певица никогда в жизни не позволила бы себе курить, да еще и «Беломор», да еще и в таких количествах.

В общем, поди разберись.

- Доброе утро, - повернувшись, первым поздоровался Иван.

- Доброе утро, - прозвучал разрозненный хор голосов, в котором несостоявшаяся оперная певица явно исполняла сольную партию.

- Как водичка? - поинтересовался удачливый бизнесмен, на котором в это утро были не синие, а оранжевые плавки в тонкую черную полоску.

- Блеск, - ответил Иван и для убедительности поднял большой палец.

В тот же миг мимо него пулей промчалась дочка удачливого бизнесмена, подразнила круглыми ягодицами цвета ряженки в мелких ямочках уже проглядывающего раннего целлюлита. Бежевая треугольная тряпочка на фоне слегка загорелого тела казалась совсем уж неразличимой, попа выглядела абсолютно голой. Эх, будь Иван на месте удачливого бизнесмена в оранжевых плавках - надрал бы он эту попу ремнем и приделал бы в купальник, более соответствующий возрасту. В нормальные человеческие трусы, а не в эти символические веревочки, по сравнению с которыми даже фиговый листочек показался бы вполне достойным монашеским убранством. Ну никакой девичьей скромности у этих современных подростков нету. Вот ведь времена настали.

Впрочем, и в былые времена... Вере-то ведь вообще тринадцать было, когда она...

Не думать о Вере, напомнил он себе снова, почти спокойно, и почти с легкостью думать о Вере перестал. Девчонка с бритым наголо затылком и короткими, абсолютно зелеными волосами на макушке уже показалась на поверхности, радостно отплевываясь.

- Ма-а-ам! - не проговорила, а пропела, и тут же вслед за ней мимо Ивана пронеслась еще одна пуля, на этот раз - более крупнокалиберная, да и не пуля вовсе, а настоящее пушечное ядро. Слегка припадая на левую ногу, сиганул в воду и бизнесмен-штангист. Мелькнули на поверхности оранжевые плавки, розовые пятки, море у берега стало совсем разноцветным, похожим на летний овощной салат - укропно-зеленые волосы дочки, помидорно-красные чашечки бюстгалтера мамы и майонезная белизна тела главы семейства.

– А-а-а! – разнеслось над берегом пронзительное колоратурное сопрано несостоявшейся оперной певицы в тот момент, когда муж легко, как пушинку, подхватил ее на руки, перекинул через плечо и с размаху бросил в воду. После чего довольно крякнул: – Так тебе, Ма-ар-р-руся! Так тебе! – и расхохотался вместе со своей сексуально распушенной дочкой, которая в этот момент восторженно ему аплодировала, подпрыгивая на одном месте.

Иван молча улыбался, глядя на все это безобразие и думая о том, что эта семья так непохожих друг на друга людей наверняка счастливая, если уж так охотно, дружно и весело впадает в детство в присутствии абсолютно постороннего человека. Поднявшись, он мысленно пожелал удачливому бизнесмену дальнейших успехов в бизнесе, его дочери – пятерок в школе, его жене Марусе – простого женского счастья, потому что ничего более подходящего придумать не смог, так и не определившись с ее профессиональной принадлежностью.

– Уходите уже? – поинтересовалась богемная Маруся, на мгновение прекратившая бесплодные попытки утопить мужа.

– Ухожу, – кивнул в ответ Иван, продолжая улыбаться. – Я ж здесь с пяти утра.

– Там сегодня на завтрак совер-р-ршенно обалденные пир-р-рожные! – восторженно прорычал бизнесмен.

– Учту, – пообещал Иван, как обычно по утрам абсолютно не ощущающий голода, заранее зная, что весь его завтрак будет состоять из двух чашек кофе и одного бутерброда. Но все же бизнесмена поблагодарил: – Спасибо!

– А вечером стриптиз будет! Придете? – дерзко поинтересовалась Вирсавия, захихикала и тут же ушла под воду, скрываясь от возмездия богемной Маруси, возмущенно пропевшей: «Ангели-и-ина! Ка-а-ак ты себя ведешь?!»

Удачливый бизнесмен, улучив момент, пока женская половина была занята междоусобными разборками, злокозненно подмигнул Ивану. Иван подмигнул в ответ, выразив мужскую солидарность.

Слегка обтершись желтым отельным полотенцем, он перекинул его через плечо вместе с шортами, махнул на прощание рукой веселому семейству и направился вверх по деревянным мосткам, предусмотрительно разложенным вдоль всего

пляжа – чтобы мелкие камушки не создавали дискомфорта, попадая под нежные ступни отдыхающих граждан. И дальше – по любимой своей тропинке, дав себе слово, что не в последний раз, что вечером непременно снова придет на пляж искупаться, так что в запасе есть еще целых два раза.

* * *

В ресторане было многолюдно. Здесь атмосфера была уже совершенно иной, по-настоящему интернациональной, хотя ничуть не менее оживленной и веселой. Те же любители утреннего плавания, с которыми Иван неоднократно встречался на пляже, торопливо и радостно доедали свои завтраки, сидя за столиками уже с полотенцами наготове и в пляжной одежде. Торопливо и радостно хвалили ресторанный кухню, весело жаловались на головную боль после вчерашнего похмелья. Русские дети объедались шоколадной пастой, намазанной на крошечные булочки или вообще ни на что не намазанной, французские дети чинно поедали овсяные хлопья, залитые молоком. Французские дети по большей части были чистыми, но в глазах у них плясали точно такие же бесенята, как и у перемазанных шоколадной пастой русских детей.

Главный повар стоял у стола с десертами и сиял улыбкой, как начищенный до блеска самовар, символизируя собой безусловные преимущества системы «все включено». Бесшумные и почти невидимые официанты улыбались посетителям, посетители улыбались бесшумным и почти невидимым официантам, главному повару и друг другу. Отовсюду только и слышно было: «приятного аппетита», «bon appetit», «спасибо», «merci». И изредка – «тешеккюрлер», на совершенно безобразном, но очень искреннем турецком, от тех отдыхающих, коих благодарность переполняла прямо-таки через край. В общем, одна большая, дружная и веселая семья.

Девчонки с тугими косами и сине-зелеными глазами в ресторане не было. Иван долго искал ее взглядом, ругая себя за это и в то же время успокаивая тем, что это все-таки лучше, чем думать о Вере и искать взглядом Веру. Искать, заранее зная, что не найдешь, и все равно искать, и снова запрещать себе думать о Вере.

Желтое полотенце – очевидное свидетельство принадлежности девчонки к интернациональной отельной семье. Он ясно видел, как она перекидывала через плечо это желтое отельное полотенце. Следовательно, искать ее среди отдыхающих – не такое уж бесполезное занятие. В том смысле, что результат

очень даже может оказаться положительным. Правда, не совсем понятно, для чего вообще ее искать. Разве что спросить, напомнил себе Иван, в какой именно детско-юношеской спортивной школе она занимается и с каким результатом проплывает стометровку. И почему у нее глаза точно такого же цвета, как море. Впрочем, на этот вопрос девчонка вряд ли ответит.

Девчонка. Сколько ей лет, интересно? С виду – так больше семнадцати и не дашь. Ну, от силы, может быть, восемнадцать – это если ее одеть и накрасить. И причесать нормально, расплести эти косы дурацкие, расплести, расплести, расплести, чтобы не думать о Вере.

Вот ведь как. Иван усмехнулся. Вероятно, в глубине души все еще живет тот самый семилетний мальчишка-первоклассник, который влюбился двадцать лет назад в такую же семилетнюю девчонку с двумя тугими косичками. Наверное, прав был Фрейд, когда толковал о каких-то образах, к которым человек всегда подсознательно стремится. Получается, не заплети незнакомая сегодняшняя девчонка этих дурацких кос – не возникло бы этого дурацкого ассоциативного ряда, и проплыл бы он себе спокойно мимо этой сегодняшней девчонки, и совсем бы ему было неинтересно, в какой именно детско-юношеской спортивной школе...

Да нет, вряд ли. Глаза-то у девчонки сине-зеленые. Цвета моря.

В ресторане ее точно не было. Наверное, успела уже позавтракать. А может, и вовсе не завтракала, а прямо с пляжа нырнула в долмуш и умчалась себе с ветерком в аквапарк в Анталию. Там-то ей и место – катается себе с этих дурацких разноцветных горок, визжит и захлебывается, вылетая с восторгом из немыслимых дурацких туннелей, любит на ручных дельфинов в дельфинарии.

Девчонка ведь.

Он все-таки поискал ее у бассейна. Побережье искусственного водоема было процентов на девяносто французским. Каждый француз лежал в своем шезлонге, в том самом, в котором лежал вчера и будет лежать завтра, являя собой образец истинно немецкой педантичности. Французские дети вперемежку с русскими детьми плескались в теплом джакузи, с визгами сигналы в прохладную воду общего бассейна.

Среди педантичных французов девчонки не было. Среди французских и русских детей – тоже. У дальнего края водоема уже собиралась интернациональная команда толстушек, взирающих снизу вверх, как на богиню, на инструктора по аэробике – русскую студентку Аню, с ослепительной улыбкой Шэрон Стоун и интонациями привокзальной торговли пирожками зазывающую народ на очередной сеанс аква-джима.

Среди интернациональных толстушек девчонки не оказалось.

И на волейбольной площадке, и на теннисном корте не оказалось тоже.

Иван хотел было уже от отчаяния запереться в тренажерный зал и совершить пятикилометровый заезд на велотренажере. А заодно потягать штангу и поискать девчонку в тренажерном зале, раз уж он туда забрел, преследуя благородные спортивные цели.

Но потом разозлился и плюхнулся в первый попавшийся свободный шезлонг, дав себе железное обещание больше не искать девчонку и не думать ни о ней, ни о Вере, а добросовестно лежать и добросовестно смотреть на виртуозную акробатику, демонстрируемую интернациональными толстушками во главе с русской студенткой Аней.

Зрелище оказалось слишком трогательным, чтобы выдержать его более пяти минут, не пролив слез умиления. К тому же от мыслей о девчонке не спасало, поэтому Иван потихоньку прикрыл глаза, освободив себя от визуальных впечатлений. Теперь остался только голос Анечки: и – un! и – deux! и – trois... Можно было бы изучать французские числительные, если бы Иван не изучил их еще лет семнадцать назад, будучи учеником четвертого класса французской спецшколы.

Вырубить звук оказалось намного сложнее, чем убрать изображение, но он все-таки сумел отвлечься от французских числительных и переключиться на музыку. Музыка по утрам была замечательной – никаких навязчивых турецких мотивов, только ленивый классический джаз. Если не видеть огромных колонок, стоящих по обе стороны сцены, и маленьких колонок, подвешенных тут и там, – легко можно было бы представить себе огромный старый патефон вместо современного музыкального центра «Панасоник». Или даже самого Луи Армстронга в компании Эллы Фицджеральд, сидящих неподалеку на

пластмассовых белых стульях за пластмассовым белым столом и только ради собственного удовольствия напевающих свою «Колыбельную». Да хоть самого Гершвина можно было себе представить, настолько живым казался сейчас этот старый джаз. Хотя традиция ежеутреинего прослушивания «Колыбельной» и выглядела несколько своеобразной.

Луи Армстронг на некоторое время покинул подружку, дав ей возможность спеть соло. Иван так и видел ее перед глазами – большую черную Эллу с черной шапкой коротких кудрявых волос на голове, в белом платье и белой шелковой накидке, небрежно спущенной с плеч. Абсолютно совершенная женщина с абсолютно божественным голосом. Все эти песни он знал наизусть – и лиричную «Love is Here to Stay», и бесшабашную «Something's Gotta Give», и философски мудрую «Why Was I Born», и множество других песен из тех, что в это утро она спеть не успела. Теперь он видел уже и музыкантов – таких же черных, с белозубыми улыбками, в черных пиджаках, черных галстуках и белых рубашках.

Неожиданный и такой приятный сеанс черно-белого фильма прервался внезапно – музыка стихла, и голос отельного конферансье заставил Ивана вздрогнуть и открыть глаза. Самого конферансье, как и Эллы Фицджеральд с ее джаз-бандом, на сцене не было – был только его голос, льющийся из динамиков. Иван без труда представил себе и его – высокого и плотного француза с черными цыганскими глазами, черными цыганскими волосами и бледно-восковым именем Анис, позаимствованным у осеннего сорта российских яблок.

Анис объявлял программу развлечений на предстоящий День. По окончании сеанса аква-джима всех желающих приглашали сыграть в бочу, затем ждали на сеанс африканских танцев – вполне традиционный и неинтересный перечень отельных забав, в которых Иван никогда не принимал участия. Объявление о вечернем стриптизе было встречено бурными аплодисментами – Иван сразу же вспомнил пышногрудую Ангелину, возмущенную Марусю и главу почтенного семейства, лукаво подмигнувшего ему на прощание. Он ведь тоже подмигнул в ответ, что, видимо, означало согласие прийти на вечернее шоу и разделить восторги по поводу заезжей группы французских стриптизерш. Хотя вовсе не собирался он никуда идти, и уже тем более никакого желания не испытывал смотреть на ночь стриптиз, поскольку для нормального мужика, отдыхающего на курорте в одиночку, без спутницы, подобное шоу может грозить в лучшем случае бессонницей. Главе семейства проще – у него под боком есть живая и теплая Маруся, а у Ивана, кроме одуряющих воспоминаний о прошлом и такого же одуряющего желания от них избавиться, больше ничего нет.

Впрочем, есть еще светлый образ русалки из детско-юношеской спортивной школы. Что тоже не утешает.

Поднявшись, он уже по привычке поискал ее глазами вокруг бассейна, снова не нашел и отправился в номер, где его поджидал ноутбук с незаконченным проектом дизайна интерьера нового гостиничного комплекса, строительство которого затеяли в Саратове и уже почти довели до конца предприимчивые застройщики из столицы. И еще два не таких крупных, но тоже достаточно срочных проекта. Один – для загородной резиденции заместителя главы местного правительства, другой – для богатой дамы, помешанной на фэн-шуй.

Жаркие дневные часы Иван чаще всего заполнял работой. Во-первых, потому, что работу свою любил. Во-вторых, потому, что заказы были срочные. Ну и в-третьих, потому, что при шестидесятиградусной дневной жаре здесь вообще больше нечего было делать. Разве что сидеть у бассейна или за столиком в кафе, накачиваясь разбавленным вином, растворимым кофе или местным самогонным напитком ракия, как и поступала примерно треть отдыхающих. Другая треть в это время летала на парашютах над бескрайним морским простором и ныряла с аквалангами на дно. Третья треть в автобусах, долмушах или автомобилях, взятых напрокат в конторе неподалеку от отеля, отправлялась в шоп-тур на кожаную фабрику в Анталию. Или же посмотреть на скальные могилы, затонувший город, купель Афродиты. Все то, что Иван уже видел. Да и на парашюте он успел полетать, даже не подозревая в себе раньше таких экстремальных наклонностей, и на дно моря уже опускался. Турецкие кожаные куртки не интересовали его в принципе, ракия показалась на вкус гораздо менее приятной, чем отечественный самогон, которым частенько угощал Ивана сосед по лестничной площадке. Растворимый кофе он не любил, а любому вину еще с тринадцати лет предпочитал бутылочное пиво.

В общем, как ни крути, а придется пойти поработать. Несмотря на то что сегодняшний день – последний и по-хорошему просто грешно заниматься работой в этот последний день, но послезавтра дама, помешанная на фэн-шуй, уже ждет от него готовый проект. Дама, кроме страсти ко всему китайскому, обладала также твердым характером президента Путина, деловой сноровкой Билла Гейтса и внешностью принцессы Брунгильды из скандинавского эпоса. Попробуй объясни такой, что у тебя случился экзистенциальный кризис и ты в последний день отпуска решил полетать на парашюте над морем, вместо того чтобы сидеть в номере, уткнувшись носом в монитор. Нет, не получится, и никакой «орбит» от такой Брунгильды не спасет. Собирай потом свои косточки

под окном собственного офиса.

Убедив себя таким образом в том, что у него нет другого выхода, кроме как включить ноутбук, Иван уткнулся носом в монитор и выпал из окружающей действительности до семи часов вечера. С перерывом на обед, который пришлось заказать в номер, чтобы не дать себе возможности расслабиться.

Из номера он вышел с покрасневшими белками глаз, почти одуревший от работы и безмерно счастливый оттого, что наконец-то ее закончил, так удачно вклеив последнее зеркало прямо напротив входа и покрасив гостиную в оранжевый цвет. Оранжевый цвет должен был оказать на Брунгильду балансирующее действие, возродить ее вкус к жизни, а также укрепить решимость и волю. В чем она, как сильно подозревал Иван, не очень-то и нуждалась.

Отужинав в приятной компании аниматоров – русской студентки Ани и своего тезки, тоже русского студента, Ивана, выслушав их жалобы на тяжелую жизнь и маленькую зарплату, Иван по традиции и уже почти без капли надежды поискал глазами утреннюю девчонку. Девчонки в ресторане не оказалось. Что ж, по всей видимости, она вообще не завтракала, не обедала и не ужинала, предпочитая питаться солнечной энергией, святым духом или вообще бог знает чем. Или заказывала завтраки-обеда-ужины в номер. Или вообще уже уехала из отеля, поскольку у нее закончился срок путевки. Утром начался – и утром же закончился. Обзорный двухчасовой тур по побережью Средиземного моря. Для очень занятых людей. Такие туры бывают, интересно?

Любопытство настойчиво боролось с Иваном и в конце концов Ивана победило. Поднявшись из-за стола, он зашел в холл и двинулся к ресепшн. За стойкой скучал Шакир, обыкновенный турецкий полиглот, для которого пять языков – всего лишь легкая разминка. Турецкий полиглот Шакир, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, за стойкой вовсе не скучал, а читал роман американского писателя Курта Воннегута, изданный в немецком переводе. «Posse» – красовалась надпись на обложке.

– «Балаган». – Шакир сразу же разгадал не высказанный Иваном вопрос о переводе названия.

– В оригинале читать, наверное, было бы лучше, – заметил Иван, опершись о стойку.

– В оригинале я уже читал, – вежливо улыбнулся Шакир, откладывая книгу в сторону. – Теперь сравниваю.

– И как?

– Не знаю, – задумчиво ответил Шакир. – Все разное сразу мысленно все на греческий перевожу. Автоматически.

– Почему на греческий? – удивился Иван, восхищаясь языковыми способностями турка и почти забыв о причине, которая его сюда привела.

– Потому что греческий – родной. Я ведь грек вообще-то. Просто родился и вырос в Турции. В общем, турецкий грек.

– А, – только и смог сказать Иван.

Турецкий грек Шакир снова вежливо улыбнулся, давая понять, что всегда готов поддержать беседу со скучающим русским туристом, но все же хотел бы знать предполагаемую тематику этой беседы.

– Я вот что спросить хотел. Сегодня утром... В общем... Новая вселилась в отель... гм... туристка. Вот. Вселилась же?

– Вселилась, – подтвердил Шакир вполне равнодушно, делая вид, что совсем не замечает замешательства скучающего русского туриста.

– И она... туристка эта... уже... уехала?

– Нет, не уехала. Она на десять дней, кажется, приехала.

– На десять? – почти облегченно вздохнул Иван, как-то совсем забыв о том, что сам-то он все равно завтра уезжает.

Портье в ответ сдержанно кивнул и снова вежливо улыбнулся.

– А она что же... туристка эта... ну, как сказать... вообще не ест?

Иван сквозь землю готов был провалиться. Во взгляде турецко-греческого Шакира легко читалась понимающая и всепрощающая улыбка индийского Будды. Или, может быть, показалось?

– Я так не думаю, – ответил он вполне серьезно. И снова замолчал.

Вот и поговорили.

Безупречный русский язык и безупречная вежливость портье начинали понемногу раздражать Ивана. С таким вот безупречным Шакиром было очень трудно разговаривать о простых и понятных любому простому и нормальному мужику вещах. Хотя улыбка Будды не оставляла сомнений, что Шакир прекрасно все понимает, просто показать этого не может, поскольку находится при исполнении обязанностей портье.

Иван вздохнул и дал себе передых, некоторое время разглядывая пальцы собственных ног, торчащие из сланцев. Пальцы были худыми и белыми, средний обогнал в росте своих собратьев, из которых большой был едва ли не самым маленьким. Даже собственная мама, как и все нормальные матери слегка преувеличивающая достоинства своего чада, всегда говорила Ивану о том, что пальцы на ногах у него немного некрасивые.

– Просто я ее не видел ни за завтраком, ни за обедом, ни за ужином, – вдохновившись созерцанием собственных немного некрасивых пальцев, вполне внятно произнес Иван.

Шакир облегченно вздохнул, в глубине души, видимо, порадовавшись за то, что Иван перестал наконец заикаться.

– Они сегодня на экскурсии, – пояснил Шакир. – В Памукалле на два дня уехали.

– Они – это кто?

– Они – это туристка, трое ее детей и муж.

– Трое детей? И муж?

Шакир снова сдержанно кивнул и покосился на немецкий перевод Курта Воннегута, скучающий на столе вниз разворотом.

Иван попытался представить себе утреннюю русалку в роли заботливой матери троих детей и мужней жены. Не смог почему-то.

- Это какая-то ошибка. У нее никак не может быть мужа и троих детей - тем более... Этого просто не может быть, понимаете?

Шакир конечно же все понимал. Он так и сказал:

- Понимаю.

И у Ивана в этот момент наконец лопнуло терпение.

- Да что вы мне здесь... вообще... лапшу на уши вешаете, да?

Шакир покачал головой. Значение устойчивого русского выражения про лапшу, видимо, было ему доподлинно известно.

- Она ж девчонка еще совсем. Ей семнадцать... ну, восемнадцать, не больше... какие дети?

На этот раз безэмоциональный Шакир не смог скрыть своего удивления:

- Семнадцать? Девчонка? Нет, Иван, вы, видимо, ошибаетесь или о другой женщине сейчас говорите. Этой француженке никак не меньше тридцати пяти...

- Француженке? Черт! - Иван прямо-таки расцеловать готов был этого славного Шакира за то, что тот так легко освободил несчастную девчонку-русалку от непосильной для ее нежного возраста роли жены и матери троих спиногрызов. - Шакир, я не про эту туристку спрашиваю! Я про другую! Про русскую! Про русскую молодую туристку без мужа и без детей!

- Но сегодня утром в наш отель вселилась только одна туристка. С детьми и с мужем, - возразил Шакир. При этом делая вид, что очень обрадовался тому, что предметом вожделенного интереса этого молодого и симпатичного русского

является все же не та стокилограммовая громкоголосая особа, которая с утра пораньше устроила жуткий скандал на ресепшн. Из-за того, что у нее в номере телевизор ловит всего лишь четыре французских канала.

- Да нет же, - торопливо возразил Иван. - Я сам ее сегодня видел. Утром, на пляже. Я ее видел.

Шакир пожал плечами:

- За последнюю неделю у нас вообще не селились новые русские туристы.

- Как это - вообще не селились? Что, и вчера тоже не селились?

- И вчера тоже.

- Но я ее видел. Утром, на пляже. Вот черт...

- Возможно, она из другого отеля?

- Но она была на нашем пляже! На пляже нашего отеля! И у нее было желтое махровое полотенце! Точно такое же, как у меня и как у всех здесь, полотенце! Желтое!

Шакир снова пожал плечами и снова бросил взгляд на скучающего Курта Воннегута.

- Черт... Извините, - пробубнил Иван, поняв наконец, что ведет себя совсем уж по-детски неприлично. Мало ли, кому что привидеться может? А портье, что ж, - вынь да положь?

- Ничего страшного, - откликнулся Шакир и, вежливо дождавшись, когда расстроенный Иван отойдет на почтенное расстояние, снова раскрыл перед собой «Балаган».

Иван направился к лифту. Портье проводил его взглядом. Какая-то мысль промелькнула в голове. Шакир нахмурился, озадаченно поскреб затылок - ни дать ни взять герой русских народных сказок, стоящий на распутье трех дорог, -

пробормотал себе под нос что-то на греческом – и наконец вспомнил.

– Иван! – окликнул он расстроенного русского туриста.

Но было уже поздно – двери лифта захлопнулись, светящаяся панель на стене мелькнула цифрой «два», двойка быстро сменилась на тройку...

– А, ладно, – снова пробормотал Шакир по-гречески и снова углубился в немецкий перевод американского писателя.

* * *

Это что ж такое получается, размышлял Иван, злобно уставившись на собственное отражение в зеркальной стене лифта. Получается, значит, что нет и не было никакой девчонки с косицами. Получается, значит, что он просто перегрелся на солнышке. Получается, значит, что утреннее солнышко, тихонько встающее над Средиземным морем, не такое уж и безобидное, раз он сумел-таки под ним перегреться. И очень сильно, видимо, перегреться, если углядел посреди моря несуществующую девчонку и даже поговорить с этой девчонкой умудрился.

Черт, он ведь с ней разговаривал. Это-то и смущало больше всего. Ведь разговаривал, в самом деле. Она у него спросила – вы тонете? Потом спросила – вы француз? Потом еще что-то спросила. А он ей ответил. И голос у нее был... такой... такой... Иван до сих пор этот голос помнил... И желтое полотенце, и сине-зеленые глаза...

Откуда она взялась? И куда делась? Непонятно. И что теперь дальше делать, тоже совершенно непонятно. Хотя, по здравом размышлении, надо бы пойти в номер и уложить шмотки в чемодан. Потому что завтра трансфер в аэропорт в половине седьмого. И это только кажется, что сложить шмотки в чемодан – пятиминутное дело. На самом деле все гораздо серьезней. Черт, а он ведь так и не насобирал камушков на побережье, ведь обещал же матери... Ну ничего, зато кучу сувениров привезет, вот, например, кошке каменной мама должна очень сильно обрадоваться. Она же просила камушков привезти и еще какую-нибудь кошачью фигурку. А тут тебе прямо как по заказу – и фигурка кошачья, и камешек, и все сразу, и какие могут быть претензии?

Мама собирала кошек уже несколько лет, и Иван из каждой своей заграничной поездки непременно привозил ей новую кошку. Самой удивительной, пожалуй, из всех была бамбуковая кошка, выполненная в этнических мотивах, привезенная пару лет назад из Индии. Неплоха была и египетская кошка из глины. И эта, турецкая, кошка тоже отличная. Наверное, мать его все же простит за то, что не привез ей средиземноморских булыжников, как только увидит эту кошку. Или, может быть, это кот?

Иван сидел на краю кровати у себя в номере, вертел в руках небольшую каменную фигурку и почти всерьез размышлял над проблемой ее половой принадлежности. Фигурка была изящной, черной, с аккуратными серыми прорезями. Полукруглая прорезь в середине обозначала изгиб задней ноги, частые и мелкие прорези в самом низу – аккуратно подобранный полосатый хвостик, две треугольные сверху – торчащие на голове уши. Очертаниями фигурка скорее напоминала маленького котенка с свиной мордочкой – бог с ним, пусть будет просто котенок, нечего себе голову ломать над такими глупостями, когда есть проблемы и поважнее.

Проблемы... Да уж, проблемы, ничего не скажешь... Ну, подумаешь, перегрелся на солнце, с кем не бывает.

Внезапный и острый прилив злости на самого себя заставил его прямо-таки подскочить с места. Глупости все это – девчонка на самом деле была, никакое это не видение, и не перегрелся он на солнце. Только вот какого черта он ломает себе голову над этой несуществующей проблемой? Какая разница, была ли, не была ли девчонка и куда она подевалась, если он все равно завтра уезжает и больше никогда ее не увидит. И вот это состояние подвешенное, эти мысли глупые, эта растерянность детская – не про него, не про него все это! Мужик ведь взрослый уже, и в самом себе вроде бы давно уже разобрался. Баба – она и есть баба, ее всегда раздеть хочется и ноги ей раздвинуть, если она, конечно, тебе нравится, если она тебя возбуждает. По-другому ведь не бывает, и это даже очень хорошо, что он ее не встретил больше, потому что, если бы встретил, по-любому бы приставать начал, титьки ее через майку разглядывать и представлять, какого цвета у нее соски, розовые или коричневые, и бритый ли у нее лобок, и в какой позе ее лучше было бы – снизу, сверху, сзади...

Нет уж, господин Ламихов, остудите свой романтический пыл, спуститесь с небес на землю, потому что пора бы уже давно понять, что любое томление

души имеет один-единственный источник. Один-единственный корень-корешок, который между ног болтается, а все остальное – чушь собачья, все остальное – это один раз в жизни, может, случается, да и то не у каждого. А те, у кого случается, – идиоты, и завидовать таким идиотам просто глупо и бессмысленно. Права была, тысячу раз права мудрая его Верка. Верка, шалава распоследняя, это она его жить научила, это она ему растолковала... Научила, растолковала – и бросила... Верка, Верка, как же он любил ее, и до сих пор, наверное...

Задушить ему хотелось себя за этот приступ сентиментальности. Ударить посильнее – точно так же, как ударил однажды Верку, в тот самый последний раз, в тот самый последний день, когда она Ванечку маленького убила... Убила, убила... Эх...

Достав из пачки сигарету и нашарив зажигалку в кармане трико, он вышел на балкон, зло и громко отодвинув створку пластиковой конструкции-купе. Затянулся так, что едва не до половины сигарета истлела сразу, задержал дым подольше в легких – до тех пор, пока не почувствовал легкое головокружение, выпустил долгую и ровную струйку в мелькающую неоновыми огнями темноту позднего вечера и зажмурился.

Наверное, вся эта дурь излечима. Излечима одним нехитрым способом – о нем, об этом способе, в первый же вечер его прибытия весьма прозрачно намекал Ивану Байрам, еще один обыкновенный турецкий полиглот и его персональный гид по совместительству. Подробно поведав о всех экскурсиях, коротко – об истории страны и в двух словах – об истории ислама, Байрам как бы между прочим добавил: «Ну а если еще что-нибудь нужно будет... Если еще чего-нибудь захочется – так обращайтесь... Если скучно будет... Вы меня понимаете?» Как не понять, по-русски-то Байрам изъяснялся очень даже сносно, как и полагается изъясняться обыкновенному турецкому полиглоту, а по совместительству...

Ивана это его «совместительство» в тот вечер очень даже позабавило. Ну турки, ну молодцы, вот ведь сервис устроили, обо всем позаботились, а?

Да, суть проблемы проста, как пять копеек. Ну пусть не пять, а сто, и не копеек, а долларов, пусть в час – какая разница, больше часа-то ведь и не нужно, по-хорошему и двадцати минут хватит, да и не такие уж и большие это деньги, сто долларов, при его доходах самого модного и востребованного в городе дизайнера по интерьерам... Бабу тебе надо, Иван, простую, обыкновенную бабу, которая знает свою реальную цену и цена которой – сто долларов. В час, а

больше-то и не надо. И все твое томление как рукой снимет, и все твои видения враз исчезнут, и перегревшаяся на утреннем солнце головушка снова станет холодной и трезвой. Вот так-то.

Третья глубокая затяжка уничтожила сигарету почти до фильтра. Странно, и как это он раньше об этом не подумал? Просто почему-то никак не ожидал от себя никаких гормональных всплесков, да и не очень-то любил с проститутками... Было один раз в жизни – по большой пьянке, да и то потом жуть как противно было... И до сих пор противно... Нет, пожалуй, не будет он звонить Байраму и жаловаться на то, что заскучал... И на сто долларов опять же лучше матери духи в магазине в аэропорту купить, чтоб порадовалась, чем вот так бездарно их тратить... Будь у Байрама обыкновенная боксерская груша... Вот это – самое оно... Подвесил бы он сейчас эту грушу к потолку да и лупил, лупил бы по ней до самого утра, до половины седьмого, когда трансфер в аэропорт... Позвонить, что ли, Байраму, спросить про боксерскую грушу? Турки – они ведь настоящие волшебники в области туристического обслуживания, у них для туристов всегда все найдется. Боксерская груша – не раритет какой-нибудь...

Вяло улыбнувшись этим своим мыслям, Иван затушил окурок в пепельнице и вышел с балкона. По-быстрому переоделся в джинсы и футболку, спрятал немного некрасивые пальцы в носки, зашнуровал кроссовки и спустился вниз по лестнице.

Хотел было зайти на ресепшн и извиниться еще раз перед Шакиром за свой гормональный всплеск. Но за стойкой Шакира уже не было – теперь там скучала девушка, принявшая ночную смену. Еще один обыкновенный турецкий полиглот... Индра, кажется, ее звали. Он махнул рукой Индре, поймал ее улыбку, вышел во двор и, обойдя бассейн, остановился у бара.

Турецкая ракия хоть и уступает по вкусовым качествам российскому самогону, но за неимением боксерской груши и желания расплачиваться сотней баксов за сомнительные удовольствия – именно то, что нужно. Пара-тройка рюмочек такой вот ракии – и никаких тебе видений, никаких тебе воспоминаний, спи себе всю ночь как убитый, храпи, пользуйся возможностью, что некому в бок толкнуть, наслаждайся...

«Черт, а я ведь так и не собрал шмотки», – мелькнула запоздалая мысль. Но развить эту мысль Иван не успел.

Удачливый бизнесмен, сидящий за крайним столиком в компании колоратурной Маруси, покуривающей богемный «Беломор», уже махал ему рукой, призывая составить компанию. На столике у супругов стояла пара бокалов вина и лежала на тарелке большая гроздь светлого винограда.

– Меня, кстати, Евгений зовут, – протянув руку для пожатия, радостно и приветливо провозгласил бизнесмен.

– А меня – Иван.

Опустив на столик рюмку с ракией, Иван пожал руку бизнесмена.

– Значит, решили все ж таки прийти посмотреть стриптиз?

– Стриптиз? – почти удивившись, переспросил Иван и сразу же вспомнил про этот стриптиз и про то, как не собирался и не хотел идти его смотреть. Черт, вот ведь... Только стриптиза ему сегодня не хватало... Да уж, не иначе, придется все же звонить Байраму и расставаться с сотней... У него ж ведь есть еще деньги, он все равно маме в аэропорту духи купит... Да и не в деньгах дело...

Все эти мысли вихрем пронесли в голове.

– Через час начнется, – весело проинформировал Евгений. – Французская танцевальная группа... Потом еще какая-то московская стриптизерша с сольной программой... Говорят, сногшибательная стриптизерша! А потом турецкое трио... В общем, на любой вкус...

Маруся выпустила в этот момент струю дыма прямо ему в лицо:

– Поменьше оптимизма, Женик! Не забывай, что я рядом...

– Да ладно тебе, Маруся, – примирительно проворчал Женик, поморщившись. – Я ж... Ты ж...

– В общем, танец – это искусство, – подвела итог Маруся и затушила в пепельнице окурки. – Вы со мной согласны, Иван?

– Вполне согласен, Мария...

– Меня вообще-то зовут Наталья. А Маруся – это моя домашняя кличка. Знак особенной и нежной любви супруга, – пояснила Маруся. – Так вот, продолжу свою мысль. Поскольку танец – это искусство, значит, не грех прийти и посмотреть на это искусство. Но если некоторые из присутствующих мужчин надеются, что этот танец будет иметь яркую эротическую окраску, – они глубоко ошибаются. Это отель, в котором отдыхают семейные пары, и ни одна уважающая себя жена не потерпела бы грязных порнографических плясок на этой сцене. Так что «стриптиз» – это всего лишь яркая этикетка. Это рекламный трюк, не более того. А на самом деле стриптиза никакого не будет. Вот увидите.

– Наверное, Маруся, ты права... – изо всех сил стараясь не выглядеть расстроенным, согласился Женик.

На что Маруся спокойно ответила:

– А я всегда права.

Некоторое время они неторопливо и спокойно беседовали об искусстве и о достоинствах и недостатках местных спиртных напитков. Иван за это время успел уговорить три стопки турецкого самогона, с каждым разом все больше убеждаясь в том, что первое впечатление зачастую бывает обманчивым. Опорожнив третью, он сходил к стойке и принес четвертую.

В этот момент свет на сцене потух, а через мгновение вспыхнул вновь, высветив ярким лучом замершую в центре фигуру ведущего. Анис, в огненно-красной цыганской рубашке навыпуск, с широкими рукавами, с ослепительной улыбкой на лице и распущенными по плечам волосами цвета воронова крыла, некоторое время молча стоял на сцене, дожидаясь, пока публика утихнет. Рядом с ним, точно так же ослепительно улыбаясь, очень скромно стояла Анечка в белом сарафане – ей, как обычно, в вечернем шоу отводилась скромная роль переводчицы. Худенькая блондинка Анечка и крупный брюнет Анис вместе выглядели просто восхитительно и всегда улыбались друг другу.

– Добрый вечер, – слышался наконец глубокий, с легкой хрипотцой, очень мужской и очень сексуальный голос Аниса. – Добрый вечер, дамы и господа... Сегодня, как и всегда, мы приготовили для вас вечернее шоу... Необычное шоу...

Сегодня только для вас... Только для вас, прямо из Парижа... Танцевальная группа... Необыкновенно красивое и захватывающее... Очень эротичное зрелище... Надеюсь, среди наших зрителей сегодня нет тех, кому еще не исполнилось восемнадцать... Итак, встречайте – Диана и Лора!

Послышались первые, робкие и нестройные, аплодисменты. Анечка скороговоркой перевела на русский речь конференсье, смысл которой и без того всем был понятен – сейчас наконец начнется этот долгожданный стриптиз...

– Никакого шеста даже нет, – прошептала Маруся. – Значит, и никакого стриптиза не будет...

Снова потух свет. В абсолютной темноте и полной тишине было слышно только, как поют цикады. Иван сидел в первом ряду, поэтому смог различить едва заметное движение – колыхнулся занавес, что-то светлое промелькнуло и застыло в правом углу сцены.

Потом послышалась музыка. Иван сразу, по первым аккордам, узнал музыку из фильма «Кабаре» и даже успел подумать, что музыка эта для стриптиза абсолютно не подходит, она слишком душевная, слишком красивая, она будет отвлекать внимание на себя. Вспыхнувшие наконец два ярких световых пятна осветили фигуры танцовщиц.

Иван откинулся на спинку стула, подумав с некоторым разочарованием: избитый прием. Одна черная, другая белая. Черная – в белом, белая – в черном. Интересно, которая из них – Диана, а которая – Лора? Мулатка была хороша – двести двадцать вольт сексуального заряда чувствовались в ней даже сейчас, когда она была абсолютно неподвижна. Черные кудри длиной ниже пояса были старательно вымазаны каким-то средством для волос, подавляющим их пышность, но вместе с тем не сковывающим свободы, не лишаящим жизни. Алый чувственный негритянский рот, большие карие глаза и грудь, наверняка накачанная силиконом, но скромно, без излишеств. Вполне могла бы такая грудь уместиться в одной ладони, и тесновато было бы ей совсем чуть-чуть. Дерзкий пирсинг в ушах и на правой ноздре, невероятное количество серебряных браслетов на тонком запястье. Хорошая штучка. Наверняка очень вкусная штучка.

Вторая девушка была менее выразительной с точки зрения представителя белой расы и, конечно, не такой экзотичной. Белокожая, черноглазая, с пышными светло-русыми волосами, струящимися легкими волнами чуть ниже плеч. И размер груди маловат, такая грудь утонула бы в его ладони. Ручки тоненькие, ножки тоненькие, бедра почти неразличимые – не девушка, а ветряная мельница. Такой бы колесом по сцене ходить, а не эротические танцы отплясывать.

Иван снова перевел взгляд на мулатку, предвкушая собственные впечатления чуть ниже пояса. Ну и эстетические, конечно, тоже. Права ведь Маруся: танец – это искусство...

Маруся и вправду оказалась права: никакой это был не стриптиз. Это был танец на грани стриптиза. Но какой танец!

Суть постановки в принципе тоже не отличалась большой оригинальностью: белая девочка изображала недотрогу, а черная девочка пыталась довольно агрессивно сломить ее сопротивление. Недотрога у белой девочки получалась прекрасно, очень натурально, и Иван не раз с удовольствием замечал практически настоящий, совсем не наигранный страх в ее черных глазах, когда мулатка особенно активно начинала ее домогаться.

Но потом все вдруг изменилось. Белая девочка то ли не выдержала натиска, то ли ощутила внезапно всю прелесть своей искусительницы – и стала вдруг мулатке поддаваться. Сначала робко, потом все более раскованно, все более активно... Теперь напряженное внимание было приковано уже к ней, и только к ней, и Иван вдруг заметил, какая она гибкая, какая нежная, какая страстная, и почувствовал, как безумно она хочет эту мулатку... и, черт бы их побрал... ведь он даже ревнует и безумно завидует этой мулатке, что не он, а она сейчас... вот сейчас уже, прикоснется... вот, почти прикоснулась...

Самым потрясающим было именно то, что за все время танца девчонки так и не коснулись друг друга. Ни разу. Но когда стихли последние аккорды музыки и танцовщицы застыли, стоя вплотную, спина к спине, сплетя кисти рук и уронив голову на плечо одна другой, у всех возникло стойкое ощущение только что случившегося прямо перед глазами полноценного соития двух страстно жаждущих друг друга женских тел.

Женских, черт бы их побрал, в этом-то и была вся пикантность ситуации. Широко известная в недавнем прошлом попсовая группа с названием, которого Иван уже не помнил, со всеми своими сольными выступлениями, клипами и провокационными интервью едва ли могла быть хоть однажды столь убедительной в глазах публики.

Иван смотрел на белую девчонку. Смотрел не отрываясь в полной тишине и видел, как дрожали ее ресницы, как пробежала по виску прозрачная капелька пота, коснулась мочки уха, упала на черное плечо ее страстной черной подружки и застыла на нем обжигающей льдинкой.

Свет потух. Публика молчала, ошарашенная. Секунды летели, тишина становилась напряженной, она грозила взорваться – и взорвалась наконец сумасшедшими аплодисментами, и свистом, и возгласами, и криками, и ни слова было не разобрать, потому что кричали аж на трех языках сразу...

– С-сучки, – вырвалось у Ивана негромко, никто и не услышал.

Вспыхнул свет – девчонок уже не было на сцене. Публика бесновалась – она требовала повторения шоу, она стучала ногами и кулаками по столам, свистела...

– Сучки французские, – повторил Иван, чувствуя, что эти самые французские сучки, не касаясь, залепили лично ему сейчас такую звонкую затрещину, от которой еще очень долго будет гореть кожа и долго потом будет сползать с лица лоскутами...

– Великолепно, – оценила Маруся.

Ее супруг сидел притихший и такой же оскорбленный, как и Иван. Дерзкая и откровенная демонстрация страстной любви женщины к женщине, пожалуй, не могла не привести в бешенство ни одного нормального мужика. Если только этот мужик не ценил искусство превыше самой своей мужской сути.

Зрители не успокаивались, все продолжали хлопать и свистеть. Девчонки наконец вышли на сцену, притихшие, взявшись за руки, как две школьницы. Молча стояли и улыбались, а со всех сторон уже бежали к сцене оскорбленные в лучших чувствах самцы и бросали смятые зеленые купюры к ногам похотливых

самок, которые только что, на глазах у всех, так самозабвенно доводили друг друга до экстаза...

«Бред... бред какой-то», – подумал Иван, не сводя глаз с их сцепленных рук. Черная ладонь сжимала белую, пальцы переплелись, он успел заметить, что у черной девчонки были длинные белые ногти, а у белой девчонки – длинные черные ногти, и разозлился еще сильнее. Разве ж это нормально, когда две извращенные девицы столь откровенно на публике свою необузданную плотскую страсть демонстрируют, а публика визжит от восторга и кидает свои кровно заработанные денежки этим девчонкам так, словно это какие-нибудь обыкновенные бумажки с портретами американских президентов? А ведь за одну такую бумажку можно купить, например, духи для мамы в магазине в аэропорту... А если позвонить Байраму, то Байрам за одну такую бумажку тебе организует запросто индивидуальные танцы, с доставкой в номер и без всяких там извращений... Бред, настоящий бред...

– Женик, ну что ты сидишь, говорю же, иди отнеси девочкам. – Маруся толкала в бок немного смущенного супруга и совала ему зеленый полтинник. – Ну мне-то неудобно, про меня-то что подумают, если я... Ну, Женик, ведь молодцы девочки, хватит уже тебе ломаться...

Черно-белая пара продолжала стоять на сцене неподвижной скульптурной композицией еще одну-две минуты. Потом черная девочка промурлыкала на французском слова благодарности, послала зрителям пламенный воздушный поцелуй и, потянув за собой белую девочку, увела ее с эстрады. Тут же появилась русская студентка Анечка с микрофоном в руке. Поблагодарила зрителей за теплый прием от имени танцевальной группы, по-хозяйски собрала портреты американских вождей в небольшую картонную коробку и объяснила, что, к сожалению, наши гости из Парижа нигде и никогда не танцуют больше одного танца, поэтому публика может успокоиться и переключиться на следующий танцевальный номер, который исполнит гостя из России.

Гостя из России почти сразу же появилась на эстраде и оказалась особой вполне нормальной сексуальной ориентации с гривой рыжих волос и потрясающе длинными ногами. Она лихо и не без выдумки отплясала свой эротический танец с элементами акробатики. Под конец спустила с плеч лямки символического бюстгальтера, но снимать его все же не стала, поскольку ее заранее предупредили о том, что делать этого не следует, потому что это нормальный отель и в нем отдыхают нормальные семейные пары.

Иван смотрел на гостью из России, подмечая, насколько отточено у нее каждое движение, насколько самозабвенно она отдается этому танцу, насколько правильно она все делает...

Но думал почему-то не о ней, а о тех двух неправильных и чувствовал, как пульсирует в висках кровь, как шумит эта кровь в голове, как бежит она по венам, и чувствовал, что кровь эта ядовитая, отравленная. Нет, не стоило все же заказывать четвертую рюмку, это уже явный перебор, завтра ведь вставать в половине шестого утра, потом два часа в автобусе, два часа на регистрации, три часа в самолете, потом еще поезд... Тяжело ведь будет, с больной-то головой в такую дальнюю дорогу...

Но четвертую рюмку все же опрокинул. Резко выдохнул, поморщился, почти сразу достал сигарету из пачки, поджег, глубоко затянулся, задержал дым подольше... На сцене уже качали бедрами две турчанки, выписывая восхитительно плавные «восьмерки», гостью из России куда-то делась, Иван даже не успел заметить, как она ушла с эстрады, и не увидел, бросали ли благодарные поклонники ее таланта портреты американских президентов к ее ногам. Он поднял рюмку, чувствуя, что добром дело не кончится, и увидел, что рюмка пустая. Поднявшись, нетвердой походкой направился к стойке бара, пробормотал невнятно: «Дринк», получил очередную порцию турецкого самогона и прямо здесь же, не отходя от сойки, опрокинул внутрь. Оглянулся – путь обратно показался ему слишком долгим. Лица Женика и Маруси ему не понравились, потому что выглядели озабоченными и нечеткими. Он решил больше к ним не возвращаться; поймав вежливую улыбку турка-бармена, как-то сразу понял, что тот хороший, простой и добрый, практически русский парень, и заказал еще ракию для себя и для него.

– Слушай, брат... ты мне вот что скажи... какое твое мнение, а?

На лице «брата» снова расплылась улыбка – родная сестра улыбки Шакира и всего местного обслуживающего персонала.

– Нет, так не пойдет, – возразил Иван. – Это совсем не по-нашему, не по-русски... Я же тебя спрашиваю, а ты мне улыбаешься, как девица красная... Нет, не пойдет... Мне мнение твое знать интересно, понимаешь? Вот ты мне скажи, это нормально, когда две бабы... Две бабы вот так вот друг с дружкой, а? Это что ж получается, а? Нет, ты мне скажи, ты уж не молчи, брат... Баба – она с мужиком

быть должна, тогда это нормально... Вот Верка моя... Верка... Уж на что она шалавой была, так и то с бабой – никогда, только с мужиками... А это что ж такое получается, а?

– Иван, – слышалось рядом. Кто-то положил руку на плечо. С трудом повернув голову, Иван увидел рядом озабоченное лицо удачливого бизнесмена Женика.

– Да все нормально... Мы тут разговариваем... Разговариваем с... – Снова повернувшись к бармену, он уточнил: – Как зовут-то тебя, брат?

«Брата» звали Ромой. Это вызвало у Ивана новую волну возмущения – он принялся требовать от бармена, чтобы тот назвал ему свое настоящее турецкое имя, а не эту дурацкую кличку, придуманную специально для того, чтобы русские туристы легче ее запоминали.

– Иван, – снова вклинился Женик, – ну, пойдем, хватит уже тебе... Сам же говоришь, завтра у тебя автобус в половине седьмого... Ведь не проснешься же... И голова болеть будет... Пойдем, а?

Иван резковато сбросил Женькину руку с плеча:

– Без тебя знаю, во сколько у меня автобус... А не проснусь – мои проблемы, взрослый уже... ты иди, Женик, мы тут с Ромой...

Ромы почему-то за стойкой уже не было – он обслуживал на противоположной ее половине другого посетителя. А настырный Женик не отставал, решив, видимо, свети Ивана в могилу своей заботливостью. Лучше б за дочкой своей следил, право слово, ей бы советы давал, какие купальники покупать и какие прически делать...

Хватка у Женика оказалась железной – на самом деле не ошибся Иван, угадав в нем с первого взгляда бывшего штангиста. С горем пополам он дотащил-таки Ивана до столика, свалил свою ношу на стул не очень аккуратно и не очень бережно.

– Ты поосторожней, а... Не кирпичи ж везешь, слушай...

– Ванечка, а позвольте мы вас проводим в номер? Поздно уже, видите, все расходятся, концерт закончился, – предложила Маруся.

Иван в ответ только покачал головой и уронил ее на сложенные на столе руки.

– Ванечка... – Заботливая Маруся легонько дотронулась до его плеча.

Он поднял на нее мутный взгляд. В голове мелькнула туманная мысль о том, что напрасно он так злится на этих добрых и милых людей, что ничего плохого они ему не сделали, совсем наоборот, пытаются помочь, успокоить, довести до номера... Только – какого черта?

– Видите ли, Маруся... Пардон, Наташа... Я хоть и пьяный сейчас, наверное, но до номера, поверьте, уж как-нибудь доберусь сам... Так что вы идите, а я здесь еще немного посижу, на воздухе... Подышу... Мне очень сильно подышать хочется, понимаете?

Маруся понимала. Она вздохнула и посмотрела на Жени-ка. Женик в ответ только руками развел, предоставив супруге самой разруливать ситуацию. Маруся снова вздохнула и поднялась:

– Ладно, Иван. Только вы уж не забудьте, что у вас завтра автобус... И пожалуйста, не нужно больше пить...

– Хорошо, мамочка, – хмыкнул в ответ Иван и, поймав в темноте, поднес к губам Марусину руку с тонкими аристократическими пальцами, униженными перстнями. Ткнулся сомкнутыми губами и добавил: – Вы не подумайте, я не алкоголик какой-нибудь... Просто сегодня... Это все она, Верка... Эх, черт бы ее побрал! Ванечку маленького...

Маруся смотрела с жалостью, хотя во взгляде ее однозначно читалось – не такой уж ты и маленький, Ванечка, по крайней мере, самогон жрешь совсем не по-детски... Иван махнул рукой – что толку объяснять сейчас, да и ни к чему все это. Выпрямился, попытался сделать максимально осмысленное выражение лица и проговорил почти трезвым голосом:

– Вы идите. А за меня не беспокойтесь. Со мной все в порядке будет. Я немножко воздухом подышу и спать пойду. Приятно было с вами познакомиться...

– Ладно, – решила Маруся. – Я вам завтра на всякий случай в шесть утра позвоню, чтоб вы не проспали.

Иван кивнул, пожал протянутую руку Женика, еще раз приложился губами к аристократичной ручке Маруси. Проводив их взглядом, снова уронил голову на сложенные на столе ладони, чувствуя, что в желудке начинает твориться неладное, и уже проклиная себя за эту последнюю... шестую... седьмую... рюмку турецкого самогона. Поднявшись, все такой же нетвердой, пошатывающейся походкой он обогнул уже пустые столики возле сцены и направился вдоль бортика бассейна к небольшой уютной рощице, нетронутому уголку дикой природы на территории отеля, как раз между теннисным кортом и волейбольной площадкой.

Погулял в рощице минут пять, глубоко вдыхая влажный вечерний воздух, прислушиваясь к пению цикад и пытаюсь различить в нем отголоски мотива из фильма «Кабаре»... Вот ведь как все смешалось, и Верка, и девчонка эта с пляжа, и эти две танцевальные лесбиянки из Парижа, вот ведь как все сразу навалилось... А ведь так спокойно эти две недели прошли, так замечательно, и вдруг под конец – на тебе, Иван, все оптом и сразу... Как же разобраться-то со всем этим, чтоб с ума не сойти? Иван обхватил ствол дерева неизвестной игольчатой породы, прислонился к нему лицом и вдыхал его дурманящий хвойный запах. Так бы и стоять – до утра, до завтрашнего вечера, до самого конца жизни, и вдыхать хвойный запах, и слушать пение цикад, не обращая внимания на то, что оно так подозрительно смахивает на песню из кинофильма... Нет ведь, не получится. Рано или поздно кто-нибудь отдерет его от этого милого сердцу игольчатого дерева, какой-нибудь очередной обыкновенный турецкий полиглот в форме охранника, все с той же вежливой улыбкой на лице... И попробуй объясни ему, что у тебя жизнь не сложилась, что в этой жизни для тебя нет ничего дороже и роднее, чем этот ароматный хвойный ствол, и что расставаться с ним тебе совсем не хочется. Не поймет ведь. Скажет – с жиру ты бесишься, дорогой и уважаемый русский турист Иван. Как же это, скажет, жизнь у тебя не сложилась, если имеешь ты крышу над головой, и любимую работу, и приличную зарплату, которой не только на кусок хлеба с маслом хватает, но и на покупку заморских автомобилей и заморских туров... А то, что на душе у тебя хреново, русский турист Иван, так это просто тебе сегодня меньше пить надо было. Так что расцепи свои белые рученьки и отойди по-хорошему от игольчатого

дерева, перестань его к себе прижимать так интимно... Если уж тебе интим нужен, так ты к Байраму обратись, он тебе устроит...

– Пить, говоришь, меньше надо было? А, ладно, – вздохнул Иван, обращаясь к воображаемому турецкому полиглоту в форме охранника. – Черт с тобой. Тебе все равно не понять. Не понять...

Отцепившись от дерева, он побродил еще некоторое время по рощице, послушал песни цикад. Тропинка вывела его снова к площадке со сценой – здесь уже не было ни души, официанты собирали столы и стулья, громоздя их друг на друга, изредка обмениваясь репликами на турецком. Пройдя стороной, Иван остановился у бассейна, присел на корточки, зачерпнул воды в горсть и умыл лицо. Легче не стало – хлорка, она и есть хлорка, хороша для борьбы с микробами, но никак не с похмельным синдромом и уж тем более не с душевной болью, воспоминаниями, одиночеством... Ну, зато уж микробов на лице точно никаких не осталось – хоть какая-то польза. Сияя продезинфицированным мокрым лицом, он обогнул бассейн и решил-таки подняться в номер, чтобы принять теплый душ, собрать наконец в чемодан шмотки и попытаться уснуть, по привычке утешая себя мыслью о том, что если ему это удастся, то можно будет храпеть сколько душе угодно и никто не станет пинать тебя в бок... Да, в одиночестве есть свои прелести, с этим не поспоришь.

Он направился было к лифту, но, вспомнив о зеркальной поверхности стен, сразу же повернул к лестнице – только этого ему сейчас не хватало для полного счастья, любоваться отражением своей мокрой, стерильной и пьяной физиономии. Восемь коротких лестничных маршей – не дистанция для бывшего спортсмена. Чемпиона области, кстати, по спортивному плаванию. Бывшего. В заплыве на пятьсот метров. И неоднократного призера – на всех прочих дистанциях.

Первые три лестничных марша и правда дались ему на удивление легко. А вот между четвертым и пятым он внезапно застрял и опустился прямо на ступеньку, повесив голову между коленей и обхватив ее ладонями. Нет, подумалось с тоской, как ты не пытайся убежать от себя, все равно сам себя рано или поздно догонишь и поймаешь... Не уйдешь от себя далеко, не спрячешься. Это только кажется, что маячит свет в конце туннеля, а на самом деле в конце каждого туннеля – тупик. Вот и сейчас – очередной тупик, между четвертой и пятой лестничной площадкой, в гостинице, за тысячи километров от дома – напрасно он думал, что здесь тупиков не бывает, напрасно ехал в такую даль, надеясь

вырваться наконец из замкнутого круга...

Вот ведь как обернулось. Иван сидел, низко опустив голову, ощущая над собой всю тяжесть оставшихся над головой шести этажей, и тяжесть темного неба, усыпанного незнакомыми турецкими звездами, и тяжесть каждой этой звезды в отдельности. И ужасно хотелось поддаться этой тяжести, чтобы она наконец раздавила его под собой, впечатала в землю, чтобы он смог наконец забыть и про Верку, шалаву распоследнюю, и про то, что эта Верка сделала с его жизнью, а самое главное – забыть про Ванечку, про Ванечку маленького... Эх, голова-головушка, что ж ты враз так потяжелела, что и не поднять тебя, никак не поднять... Вот ведь, оказывается, как вышло – думал душ принять, шмотки в чемодан собрать, похрапеть всласть на одинокой постели. Нет, Иван Ламихов, модный дизайнер из российской глубинки, не для тебя все эти простые человеческие радости. Сиди тут теперь всю ночь, зажатый в капкане лестничной клетки, и держи на своих плечах оставшиеся шесть этажей и небо вместе со звездами, как какой-нибудь одинокий и пьяный греческий Атлант. И думай, думай, думай о своей глупой, бессмысленной жизни, и ищи всю ночь в этой глупой жизни хоть какой-нибудь жалкий смысл... Тысячу раз прав был любимый писатель Милан Кундера, назвав легкость бытия невыносимой. Наверное, остается только смириться с этим и жить дальше, больше уже не надеясь ни на какой волшебный луч света в темном царстве, выражаясь словами другого, не очень любимого, но уважаемого писателя...

Вот ведь взять хотя бы для примера ту самую утреннюю девчонку. Несуществующую, пригрезившуюся, придуманную утренним солнышком, нарисованную в воспаленном мозгу разомлевшим под лучами этого солнышка воображением. Девчонка – хорошая, такая простая и забавная, с сине-зелеными глазами и смешными косицами, торчащими в разные стороны. Появилась – и исчезла, словно не было ее. Спрашивается, почему исчезла? А потому, что таков закон жизни. Его, Ивана Ламихова, модного дизайнера из российской глубинки, жизни. Закон, согласно которому все хорошее, простое, забавное, с сине-зелеными глазами, смешными косицами и так далее, из его жизни немедленно исчезает. Видно, не заслужил он ничего такого вот сине-зеленого с косицами. А заслужил только тяжесть неба, уставшего висеть над миром за эти долгие тысячелетия его существования. Эх...

В голове гудело набатным колоколом, кровь пульсировала в висках с такой силой, которой хватило бы для работы скромной гидроэлектростанции. Иван чувствовал, что сил подняться с лестницы и одолеть оставшиеся пять маршей у

него просто нет. Привалился плечом к стене, вяло поразмыслил о том, что если уж суждено ему сидеть на лестнице до самого утра, то нужно обеспечить себе хоть какой-то комфорт. Стена оказалась холодной, плечу на ней было неудобно. Ничего, утешил он себя, рано или поздно плечо нагреет стену, она станет теплой, и плечу будет уже не так неудобно. И еще подумал о том, что все-таки не нужно было так напиваться. С горя ли, со злости ли, все равно – не нужно было.

Внизу слышались тихие шаги. В глубине души Иван понадеялся, что шаги затихнут на уровне второго этажа, потому что подниматься пешком выше – это уже патология. В отеле два исправно работающих лифта, нормальный отдыхающий человек ни за что в жизни не попрется пешком в такую даль, если он, конечно, не пьяный и не боится встретиться взглядом с собственным отражением в зеркале. Если бы в лифтах не было зеркал, Иван и сам бы ни за что в жизни не пошел пешком.

Но шаги на уровне второго этажа не затихли. Кто-то продолжал свое путешествие по лестнице, и вот сейчас, совсем скоро, этот «кто-то» появится в пределах боковой видимости, и увидит Ивана, и осудит его за то, что он, такой пьяный и некультурный, сидит здесь прямо на ступеньках, и усмехнется презрительно, или, не дай бог, посочувствует, или, что еще ужаснее, помощь свою начнет предлагать...

Иван заранее поморщился от такой перспективы – и тут же ее увидел. Она оказалась той самой стриптизершей-лесбиянкой. Вот в ней-то и причина всех бед, тут же со злостью подумал Иван, ну а если не всех бед, то по крайней мере его паршивого настроения в этот вечер. Ну уж нет, просто так теперь она от него не отделается, уж он ей сейчас выскажет... Выскажет все, что думает по поводу демонстрации всяких извращений под видом высокого искусства... Благо дело, французский язык знает почти в совершенстве, спасибо родной спецшколе и хорошему преподавателю...

В черных ее глазах сперва мелькнул испуг. Она шла прихрамывая на левую ногу, это Иван сразу успел заметить, и даже успел подумать о том, какого же тогда черта эта французская дура поперлась пешком по лестнице, если у нее так сильно болит нога. И еще успел подумать – как же она с больной ногой танцевала? Или нога у нее заболела уже потом, после танца, но тогда какого же черта она поперлась пешком...

Рывком отодвинувшись от стены, он переместился на самую середину ступеньки, загородив таким образом стриптизерше проход. Та замерла в двух шагах от него, подозрительно, но теперь уже без страха уставившись на Ивана. Он некоторое время не поднимал глаз, рассматривая босые ступни ее ног. Черные лакированные туфли на шпильке стриптизерша почему-то держала в руках.

– Bon soir, madame! [1 - Добрый вечер, мадам! (фр.)] – выговорил он на безупречном французском, встретившись наконец с ее растерянным взглядом. – Ой vous depechez-vous? Voulez-vous passer avec moi cette soiree magique? A moins que votre amie ne replique pas... [2 - Куда так спешите? Не хотите ли разделить со мной этот волшебный вечер? Если, конечно, ваша подружка не будет против... (фр.)]

Стриптизерша молчала.

– Est-ce que vous n'aimez pas les homes tout a fait? – не унимался Иван. – Meme riche et charmant comme moi? Peut-etre je vous parais un peu ivre? Ou... [3 - Или вы совсем не любите мужчин? Даже таких красивых и богатых, как я? Или, может быть, я кажусь вам немного пьяным? Или... (фр.)]

Дальше она слушать не стала. Просто протиснулась в узкую щель между стеной и Иваном и пошла вверх по лестнице. Иван обернулся вслед:

– Madame, vous ne me repondez... [4 - Мадам! Вы мне не ответили... (фр.)]

– Да пошел ты, – беззлобно ответила мадам на чистейшем русском языке. И добавила, вздохнув: – Напился, сидишь тут на лестнице... И без тебя тошно...

В следующий миг ее уже не было – она исчезла в лабиринте лестничных маршей. А в следующий миг... В следующий миг Иван почувствовал, что вот сейчас, вот именно в эту секунду, все оставшиеся шесть этажей и все турецкое небо вместе с турецкими звездами дружно свалятся на него и придавят его к земле... Потому что голос этот он уже слышал, и девчонку эту уже видел, оказывается, утром, и была она никакой не стриптизершей, а той самой, той самой девчонкой с дурацкими косицами и сине-зелеными глазами... Только теперь волосы свои распустила и глаза сине-зеленые поменяла зачем-то на черные, запасные...

Господи, да неужели такое бывает? Шесть верхних этажей и небо со звездами почему-то все медлили, не торопились падать на Ивана, впечатывать его в землю... Тогда, может быть, он успеет?

Вскочив со ступеньки, забыв про головную боль и про все на свете, он в три прыжка одолел один лестничный марш, второй... Прислушался – и не услышал ни звука. Сбежал. Окинул быстрым взглядом коридор пятого этажа, никого не увидел, помчался на четвертый... Но ни на четвертом, ни на шестом, ни на одном из восьми этажей ее не нашел. Вокруг не было ни души – только цветы в напольных глиняных горшках, только ковры и коридоры... Абсолютно пустые коридоры... Светло-зеленые, длинные, бесконечные, как в наркотическом сне.

Он снова опустился на ступеньку, снова свесил голову, размышляя о том, не нанести ли по возвращении на родину визит к психиатру. Твердо решил сидеть на лестнице до утра, но потом, случайно ухватив взглядом надпись на металлической табличке, привинченной к стене, понял, что уже поднялся на свой этаж и глупо сидеть на ступеньке, когда в десяти метрах от этой ступеньки есть ванная комната с горячей водой и просторная постель... К тому же еще и чемодан собрать надо...

А напиваться вот так, до белой горячки, он больше никогда не будет.

* * *

Два месяца спустя

Осень выдалась великолепной. Она словно сошла со страниц школьного сочинения – золотая по преимуществу, с зелеными, багровыми, шоколадно-коричневыми и оранжевыми вкраплениями, с нежно-голубым небом, по которому тянутся в теплые страны стаи перелетных птиц, с желтым и теплым солнцем. С запахами догорающих листьев и прелой земли, с прозрачными лужами и полетному теплыми дождиками. Как не добавить в конце такого сочинения: «Я люблю осень»...

– Все-таки я люблю осень, – почти мечтательно вздохнул Иван и покосился на своего давнего школьного приятеля, Юрку Трепакова, который в этот момент

сосредоточенно выпускал пузырьки воздуха из шприца с раствором обезболивающего.

– Открой рот, – приказал Юрка, давая понять, что лирические бредни про осень в данной ситуации совсем не уместны.

Осень со всеми ее красками, запахами, перелетными птицами и желтым солнышком уютно расположилась за окном Юркиного кабинета. Иван сидел в большом удобном кресле, нарядный, в белоснежном переднике. Запрокинув голову, он щурился под ярким светом хирургической лампы и размышлял о том, что толкает нормальных в общем-то людей выбирать себе вот такую ненормальную специальность – зубной врач. Какое, интересно, удовольствие – быть зубным врачом? Впрочем, наклонности садиста Иван заподозрил у приятеля еще в первом классе, когда тот вдохновенно оборвал лапки пойманному в спичечный коробок домашнему таракану, после чего смыл несчастное насекомое в унитаз.

– Очень больно будет? – спросил Иван.

– Постараюсь сделать как можно больнее, – пообещал садист Юрка и снова, на этот раз уже совсем строго, приказал: – Открой рот.

Не оставалось ничего иного, как сдаться на милость Всевышнего. Вознося молитвы, Иван в этот раз вполне конкретно представлял себе образ Царя Небесного – высоченный мужик в белом халате, с гривой черных волос, с прищуренными карими глазами, с трехдневной щетиной Антонио Бандераса и двухмиллилитровым шприцем в руке. Ну просто копия Юрки Трепакова, бывшего одноклассника, а ныне – врача-стоматолога, ведущего специалиста клиники. Вот ведь как бывает.

Рот все же пришлось открыть. Юрка нащупал пальцами место для укола, отодвинул щеку Ивана, прищурился, прицелился – и всадил иглу аккурат в десну над больным зубом.

Иван взвыл от боли.

– Ну, потерпи, родной, – почти ласково попросил его садист Юрка. – Ты ж мужик все-таки... Вижу, что больно. Но сейчас уже все пройдет. Через пару секунд. Вот,

сейчас еще сюда... Вот так. Ну, прям герой настоящий.

Иван хотел было ответить Юрке парой ласковых слов, но, поскольку рот закрывать было нельзя, с открытым ртом получилось у него вместо ласковых слов одно только ласковое мычание.

– Понимаю, понимаю, – кивнул Юрка. – Спасибо-спасибо. И вам того же, и вас туда же... Не закрывай рот, я тебе полость уже прочистил.

Щека, язык и верхняя челюсть стали абсолютно деревянными. Боль, которая всю ночь заставляла прямо-таки на стену лезть, медленно отступила, затухла, и Иван принялся размышлять о том, что напрасно он, наверное, решил лечить этот дурацкий зуб, можно было бы просто обойтись уколом, а впредь просто не жевать ириски на левой стороне, и все обойдется.

– Знаю, знаю, о чем ты сейчас думаешь. Думаешь, на кой хрен вообще мне этот зуб лечить надо? – усмехнулся Юрка, который находился сейчас вне пределов видимости Ивана, где-то у него за спиной, и угрожающе гремел инструментами для пыток. – Думаешь – обошелся бы уколом, а впредь на закуску к пиву выбирал бы не арахис, а что-нибудь помягче типа селедочки под майонезным соусом... Впредь не грыз бы фундук зубами, а прикупил бы в магазине специальную такую штуку... Специальную штуку... Или что ты там грыз своим кариесным зубом, а?

– И-и-шки, – непонятно ответил Иван, не закрывая рта, но Юрка, имеющий многолетний опыт бесед с такими вот пациентами, все понял.

– И-и-шки, говоришь? Вот ведь, дите малое, ирисками душу тешит... – Юрка строго сдвинул брови и убедительно гроыхнул инструментами для пыток. – А сейчас, поди, сидишь и клянешься себе, что никогда больше ириску в рот не возьмешь и зуб свой кариесный «блендамедом» чистить будешь утром и вечером... И даже днем, только бы я от тебя отстал... Только бы я тебя не трогал... Знаем, знаем, проходили уже... Только, мой дорогой, если твой зуб многострадальный сейчас не вылечить, то через полгода его удалять придется... А при таком отношении к зубам через несколько лет ты совсем без них останешься, и никакие «орбиты»-«блендамеды» тебе уже не понадобятся... И не только об ирисках, вообще о всякой еде забыть придется... Будешь на манной кашке сидеть да на супчиках протертых... Суп-пюре называются, редкостная гадость... Инвалид, в общем...

Юрка, гад такой, определенно пользовался ситуацией – Иван, при всем своем желании продемонстрировать приятелю полный свой запас ненормативной лексики, мог только мычать в ответ. Но мычать, да еще с открытым ртом, было как-то унижительно, поэтому приходилось молча терпеть все эти моральные издевательства, используемые садистом Юркой в качестве подготовки пациента к последующим физическим пыткам.

– Да ладно тебе, – примирительно сказал возникший в поле зрения Юрка. – Ну я ж тебе сказал, больно не будет. Это ж тебе не лидокаин какой-нибудь, это нормальное обезболивающее последнего поколения... Классный препарат, говорю тебе... Так что успокойся и любуйся на свою распрекрасную осень за окном и не смотри на меня как жертва на палача... Я же тебе, дурак, помощь оказываю. Неотложную. А ты морду воротишь... А ну, открой рот шире.

Иван раскрыл рот до предела. Юрка пододвинул лампочку, нащупал под креслом какую-то педаль, после чего бормашина последнего поколения радостно заурчала. Юрка сосредоточенно смотрел в рот Ивану, Иван от страха зажмурил глаза, но тут же, при первом прикосновении сверла к зубу, снова распахнул их и ойкнул.

– А вот сейчас врешь. Сейчас тебе не больно, а просто страшно. Я ж по глазам вижу. Так что успокойся. Последний раз тебе говорю.

Иван снова откинулся на спинку кресла, вяло удивившись тому, как это Юрка может по глазам определять, когда человеку больно, а когда – просто страшно. Ведь и правда – в первый раз от укола ужасно больно было, а во второй раз он ойкнул просто от страха. Телепат Юрка, не иначе. У него, наверное, дополнительная специальность в институте была – телепатия...

Убедившись, что бормашина после введения обезболивающего препарата последнего поколения для него совсем не страшна, Иван окончательно расслабился и даже на некоторое время забыл про свой зуб, вспомнив про новый и срочный проект дизайна для салона красоты в центре города. Если бы не этот зуб, сидел бы он сейчас в своем офисе и думал бы над проектом...

– Ангел, – похвалил его Юрка, залепив наконец многострадальный, теперь уже не кариесный зуб раствором для пломбирования. Как полагается, попросил Ивана прикусить, поинтересовался, испытывает ли Иван дискомфорт, еще

немножко поковырял пломбу сверлом – как подозревал Иван, не в целях практической необходимости, а из любви к искусству.

– Ну вот и все. Теперь ты новенький. Молодец, пытку выдержал с достоинством.

– С достоинством, тоже скажешь, – почти внятно усмехнулся в ответ Иван.

– А то? Ты уж поверь моему многолетнему опыту профессионального садиста... Люди знаешь какие истерики тут устраивают? Один мужик вот буквально вчера так дергался, я ему чуть щеку не продырявил... Потом пришлось бы швы накладывать...

– Мужик? – удивился Иван.

– А то, – своей любимой присказкой ответил Юрка. – Мужики, они знаешь какие нежные? Что тот цветок... Забыл, как называется, у мамы твоей в комнате на полу стоит... Солнечных лучей он, видите ли, не выносит, а в тени совсем чахнет... Вот и пойми, чего ему надо... Нежный... Вот и мужики такие же. Не в пример теткам. Тетки – они мужественные. Боль терпят – только так. А некоторые, не поверишь, особо экономные, так те вообще без укола – и ничего... Укол-то дорого стоит, почти как пломба... Потерплю, говорит, зачем деньги на ветер выбрасывать... Вот так-то. А девки... Девки тоже молодцы. Знаешь, иногда даже кокетничают! Вот буквально вчера... Или нет, в прошлую пятницу, кажется... Одна такая мне попалась – я ей полость вычищаю, а она мне язычком, знаешь, будто невзначай, пальчики щекотит... Цирк, да и только! Дурдом на гастролях... А ты говоришь – мужики...

– Да, веселая у тебя жизнь, – легко рассмеялся Иван, освобожденный от боли и от страха.

– Веселая, – согласился Юрка, – и интересная. Я за шесть лет работы тут такого насмотрелся. Знаешь, не только в зубных болезнях теперь разбираюсь, но и в человеческой психологии. Хоть диплом на эту тему пиши. Не поверишь – вот ко мне пациент заходит, а я уже заранее знаю, как он себя во время лечения вести будет и какие станет мне вопросы задавать. По глазам вижу...

По глазам, говоришь? – усмехнулся Иван. – Слушай, а ты мне вот что тогда скажи. В первый раз я когда заорал от боли – ты меня жалеть начал и попросил

потерпеть. А во второй раз сказал, чтобы я не прикидывался, что боли я не чувствую, а ору просто от страха. А я ведь на самом деле боли не чувствовал, а орал от страха. Только как ты это понял? Тоже, что ли, по глазам?

- По глазам, конечно, - серьезно ответил Юрка.

- Что, в первый раз у меня в глазах страдание увидел, а во второй раз - страх? Ну ты лирик, Трепаков...

- Да при чем здесь лирика, - обиделся Юрка. - Здесь чистой воды медицина. Ты вот сидишь под ярким светом медицинской лампы, а зрачки у тебя расширились, глаза почти черные стали, хотя на самом деле они у тебя серые, - значит, боль. Зрачки ведь на боль всегда реагируют. Расширяются. И никакой здесь лирики нет вовсе.

- Глаза, говоришь, почти черные стали... - задумчиво проговорил Иван, нечаянно вспомнив почти забытую невероятную историю, случившуюся с ним во время отпуска. Да и случившуюся ли? Может, все-таки приснилась она ему, эта история... Столько времени прошло, он и думать почти забыл... - Слушай, ты мне вот еще что скажи. А еще как-нибудь вообще цвет глаз изменить можно?

- Можно, - немного удивившись такому повороту в разговоре, кивнул Юрка. - Линзы бывают. Цветные. Не знаешь, что ли, про линзы?

- Знаю про линзы. А еще... Еще как-нибудь?

- Что - еще как-нибудь?

- Ну, цвет глаз... Поменять - можно?

- Можно, - спокойно ответил Юрка. - Если у тебя есть запасные глаза. Другого цвета.

- Запасные глаза, - весело рассмеялся Иван. - Не поверишь, но я тогда тоже об этом подумал.

- Когда - тогда? И о чем ты подумал?

- Да понимаешь... Летом, на курорте... Я же тебе рассказывал, что в Турции отдыхал. И вот я там одну девчонку два раза встретил.

- Ну и что?

- Так у нее в первый раз глаза были зеленые... То есть не зеленые, а синие... Ну, в общем, синие с зеленым оттенком... А во второй раз - совсем черными мне показались. Вот я и подумал тогда, что у нее глаза запасные...

- Линзы наверняка. Это сейчас модно. А что ж ты у нее не спросил про линзы?

- У кого? - удивился Иван.

- У девчонки у этой, - удивился в ответ Юрка.

- А, у нее... Да понимаешь, я не мог у нее спросить... Я ее сначала в море встретил... Думал, дельфин плывет. А оказалось - русалка. Только она уплыла почти сразу. А потом, когда я ее снова встретил, думал, что она француженка... Вот и не спросил.

- Так ты ж французский знаешь. Вместе, чай, учились. Я ж помню, у тебя всегда пятерки были. Зоя Анатольна тебя очень любила...

- Да не в этом дело. Я-то думал, что это две разные девчонки, понимаешь? Одна русская, другая - француженка... А потом только понял, что та, другая, никакая не француженка, а...

- Это какая - другая?

- Ну, которая та же самая, что ж ты такой непонятливый?

- Это я - непонятливый? - обиделся Юрка. - Так-так, с этого места, пожалуйста, поподробнее. Значит, встретил ты на море девчонку. У которой были глаза такие синие, такие синие, что аж прям зеленые. А потом еще и черные. При этом была девчонка эта француженкой, но и русской тоже. Я правильно понимаю?

- Ну, вроде, - нахмурился Иван.

Юрка помолчал некоторое время, пристально разглядывая Ивана.

- Знаешь, что я тебе скажу, дорогой ты мой друг Иван Ламихов?

- Ну и что ты мне скажешь?

- А то скажу, что влюбился ты в эту девчонку многоликую. Дельфин, русалка... Как пить дать влюбился! Неужто Верку свою забыл наконец, а?

- Да перестань, - отмахнулся Иван. - При чем здесь Верка, и какая разница, забыл я ее или не забыл. А в эту девчонку... многоликую, как ты выражаешься, я влюбиться не могу при всем своем желании...

- Это почему же? При всем-то своем желании, а? - Трепаков хитро прищурил левый глаз.

- Потому что она... Ну, в общем, не свободна.

- Повезло какому-то мужчинке.

- Если б мужчинке, - грустно усмехнулся Иван.

- То есть?

- А то и есть, что она... В общем, того. Женщин любит. То есть одну женщину...

Юрка присвистнул.

- Да, тяжелый случай... Это ж угораздило тебя влюбиться в такую странную особу. С глазами трехцветными, не пойми какой национальности, да еще и нетрадиционной сексуальной ориентации... Ну даешь...

- Да что ты заладил, Юрка... Влюбился, влюбился... Ладно, было и было. Самое интересно не это.

- Как, это еще не все? И не самое интересное? Вот это уже и в самом деле интересно!

- Ну, хватит тебе, говорю... Так вот, самое интересное - то, что девчонка эта оказалась... Тоже из Саратова. Представляешь?

- Да ну? - с сомнением в голосе протянул Юрка. - Что-то я таких здесь у нас не встречал. С разноцветными глазами.

- Вот и я не встречал. Хотя, не знаю, может, пошутила Анечка...

- Анечка ее, значит, звали? А говоришь, не разговаривал с ней.

- Да нет, это не она - Анечка. Это другая девушка. Студентка из Новосибирска. Она там, в отеле, аниматором работала. Я ее утром встретил, когда к автобусу уже с вещами шел. Ну и спросил у нее про эту французскую девчонку. А она посмеялась и говорит, что никакая, мол, девчонка эта не французская, а обыкновенная русская девчонка из Саратова. Так и сказала, из Саратова... А выступают они как француженки, потому что так их русские мужики меньше домогаются. Раньше выступали как русский дуэт, так им соотечественники проходу не давали, а один раз чуть не изнасиловали... И оскорбляли... Ту, другую...

- Ту, другую - это опять ту же самую?

- Да нет. Другую...

- Стоп! Их вообще сколько, этих девчонок твоих? Что-то я со счета сбиваться начал... Это какую еще другую?

- Ну, мулатку. Они вдвоем с мулаткой гастролировали. Стриптиз-шоу, - почти горестно вздохнул Иван.

- Люблю мулаток, - воодушевился Юрка.

- И не надейся, - усмехнулся Иван. - Она тоже... того.

– Лесбиянка? Ой, попади она мне в руки, я б из ее черной кудрявой башки всю эту дурь выбил... У нее ведь башка черная, кудрявая, я правильно понимаю?

– Ну, правильно. Черная. Кудрявая.

– Эх, люблю мулаток! Я б ей показал... Научил бы уму-разуму. Только я в Саратове что-то ни одной местной мулатки не встречал.

– Я тоже не встречал. Но про нее я, честно говоря, не знаю. Может, она и правда из Парижа была, а может, вообще из Африки. Уж больно черная. Но тоже красивая.

– Тяжелый случай, – вздохнул Юрка. – Жаль, если она из Африки. А то я б ее замуж взял.

– Дурак ты, Трепаков, – беззлобно отмахнулся Иван.

– И ты, Ламихов, дурак тоже, – так же беззлобно ответил Юрка.

Некоторое время они помолчали.

– Как хоть ее звали, многоликую твою, а?

– Не знаю. – Иван пожал плечами. – Или Лариса, или Диана, или, может, просто Дина... А может, вообще по-другому.

– Это обнадеживает. Только я все равно ничего не понял.

– Ну что здесь понимать, – почти рассердился Иван. – У них дуэт так назывался – Диана и Лора. Значит, по-русски, Дина и Лариса. Только вот кто из них кто, я не знаю. А может, просто придумали имена, чтоб красиво звучали... Слушай, Юр, это ничего, что у тебя там за дверью пациенты?

– Ничего, что за дверью. А что, лучше их сюда позвать, чтоб приняли участие в обсуждении?

– Да нет, просто у них, наверное, зубы болят, а я тебя тут отвлекаю своими глупостями...

– Ничего ты меня не отвлекаешь. И совсем не глупостями. – Впервые за время беседы Юрка посмотрел на Ивана абсолютно серьезными глазами. – Знаешь, Ламихов, я ведь давно об этом мечтал для тебя... Да и ты, наверное, сам для себя об этом мечтал... Чтобы Верка из башки твоей вылетела... А вот тут, видишь, подходящий случай, кажется, представился...

– Да перестань чушь молоть, – зло отмахнулся Иван. – Говорю тебе, у них любовь... Я сам видел...

– Что ты видел? Как они танцевали? Дважды дурак ты, Ламихов. Ты в театре когда-нибудь был? Или на балете?

– Ну, был на балете. В прошлом году, с мамой. «Лебединое озеро» смотрели. Только я не помню уже ничего. Да какая разница?

– Танец – это искусство, – процитировал Юрка слова неведомой ему турецкой Маруси. – Актеры, которые во время пьесы умирают от любви друг к другу, совсем не обязательно любят друг друга в жизни. Они могут просто ненавидеть друг друга или, по крайней мере, испытывать друг к другу полнейшее равнодушие. И совсем не спать в одной постели.

– Ты не видел, – упрямо повторил Иван. – А я – видел. Своими глазами. Да и вообще, какая разница?

– Никакая, – помолчав, задумчиво ответил Юрка. И повторил по слогам: – Ни-ка-ка-я. А теперь, дорогой мой друг Иван Ламихов, иди. Я твой зуб вылечил, в кассе мои услуги оплатишь. А меня другие пациенты ждут. У них тоже, между прочим, зубы болят. Им помощь моя нужна, а я тут с тобой...

– Ну и ладно. Ну и спасибо тебе.

– Ну и пожалуйста. Вот, квитанцию не забудь. Будет болеть – жри анальгин. Если сильно будет болеть – приходи. Но не должно, там все чисто вроде. А так – звони, если что. И не забудь, в субботу встречаемся...

– Не забуду. – Иван пожал протянутую руку и скрылся за Дверью, одарив сочувственным взглядом пациентов, которым еще только предстояло пройти все семь кругов ада в кабинете его добродушного приятеля.

* * *

«Что-то он задумал», – размышлял Иван по дороге домой, вспоминая хитрый прищур глаз и протяжно-задумчивое «ни-че-го». Такое вот «ни-че-го» обязательно что-нибудь да значит. Не первый и даже уже не десятый год знал Иван Юрку Трепакова, чтобы сразу догадаться – приятель строит какие-то планы. Только вот интересно, какие?

Голубой мечтой Юрки Трепакова было желание о том, чтобы Иван наконец забыл Верку. Иван же об этом уже и не мечтал, поскольку знал, что мечтать бесполезно. Не та она женщина, которую можно забыть, как бы высокопарно это ни звучало. Да дело даже и не в том, что Верка – какая-то особенная суперженщина, не такая, как все. Просто забыть Верку – значило вычеркнуть из жизни пятнадцать прожитых лет. Пятнадцать лет – это больше чем половина жизни. Вот так-то. Забыть невозможно, как бы ни хотелось. Если только долго-долго биться головой об стену, так чтобы отшибло все мозги, чтобы получилась очень удачная и удобная амнезия, которая сожрала бы эти пятнадцать прожитых лет, проглотила, затянула бы в свою черную пасть и ни в коем случае обратно не выпустила.

Биться головой о стену Ивану не хотелось. Теперь уже – не хотелось. Хотя тогда, семь лет назад, ему так и мерещились всякие изощренные пути, ведущие к забвению, самым банальным из которых была намыленная веревка. Или – сто таблеток нитроглицерина. Или – прыжок вниз с восьмого этажа. Да если разобраться, все они, эти пути, были банальными. Первую неделю он только об этом и размышлял – какой путь выбрать. А потом вдруг самому смешно стало – вот ведь здоровый, взрослый мужик, двадцать два года уже, а целую неделю лежит на кровати, как прыщавый подросток, и раздумывает о том, как бы так покрасивше уйти из жизни. Разозлился он тогда на себя очень сильно. От злости послал самого себя куда подальше и оказался аж в Сибири, на какой-то нефтяной скважине, в роли простого рабочего. А потом еще дальше – аж в Испании, на апельсиновых плантациях днем и в ресторане за посудомоечной машиной ночью. Потом снова в Сибири, потом в Москве, и только три года назад его снова к дому прибило. Только три года назад он почувствовал – хватит уже.

Вспомнил про мать, одиноко стареющую в пустом и холодном доме. Вернулся, прижился как-то почти сразу, а деньги, заработанные за три с лишним года тяжким трудом и почти нерастраченные, вложил в дело. Открыл контору, нанял людей, заказал рекламу, пару-тройку удачных клиентов подцепил – и вот пошла жизнь в гору, началась наконец белая полоса...

Только это все совсем не значило, что он забыл Веру. Он просто пытался о ней не думать. С переменным успехом ему это удавалось. А озабоченность лучшего друга и матери по этому поводу очень часто его злила, буквально выводила из себя. Ведь порой до смешного доходило. Была, например, у матери лучшая подруга, соседка по лестничной площадке. И звали ее тетей Верой. Так мать, после того как Иван наконец домой вернулся, хронически стала называть свою подругу то «соседкой из семьдесят пятой», то «Трофимовной», то «Иллариона Вениаминовича женой». Но как раньше, Верой, – никогда. Иван сразу подметил эту дурь, но виду не подавал до тех пор, пока однажды у матери совсем язык не запутался, когда она, что-то торопливо рассказывая, с третьей попытки так и не смогла выговорить имя-отчество супруга тети Веры.

– Мам, – спросил он тогда, – Иллариона Вениаминовича жена – это, случайно, не тетя Вера из семьдесят пятой?

– Она, – стыдливо опустив глаза, призналась мать. Иван подошел, сгреб ее в охапку, прикоснулся губами к седеющей макушке:

– Ну так вот и называй ее тетей Верой. Или просто – Верой. Это как тебе удобно. И брось эти свои игры дурацкие. Детские. Честное слово, ты у меня как маленькая...

* * *

В субботу, как обычно, они встречались с Юркой.

Еще десять лет назад появилась у них эта традиция – встречаться по субботам в тесной дружеской компании бывших одноклассников. Десять лет назад компания была более многочисленной – Иван, Юрка, Толик Кольцов, Никита Запрудный. Восемь лет назад Никита погиб во время пожара на стройке, спустя полгода Толик Кольцов уехал жить и работать в Штаты, где у него оказались

какие-то родственники. Планировал – на пару лет, но уже через год женился на американке-фермерше, да так и осел в каком-то южном штате, полюбив всей душой сельское хозяйство. Теперь только письма слал. Да и то – по электронной почте и очень редко. Хвалился, что вывел какую-то новую, очень мясную породу кроликов.

Семь лет назад остались они вдвоем с Юркой. Но продолжали встречаться по субботам – до тех пор, пока Иван в попытке убежать от самого себя не уехал в Сибирь, потом в Испанию, снова в Сибирь и так далее. Вернулся, и спустя какое-то время субботние встречи решено было возобновить. Несмотря на то что остались они вдвоем и воспоминания о прошедших годах по большей части были горькими. Встречались, конечно, не каждую субботу, иногда и по месяцам не виделись – то Юрка в выходные дежурил в своей клинике, то Ивана какой-нибудь срочный проект не отпускал от компьютера. Но если не работа – ничто не могло помешать дружеской этой встрече. Разве только женщина... Но женщины в жизни большой роли не играли, женщины чаще всего были случайными и неважными – и у Юрки, и у Ивана.

Чаще всего они «заседали» в каком-нибудь кафе, не испытывая никаких постоянных привязанностей. Реже – у Юрки дома, в его одинокой однокомнатной квартире, где можно было спокойно курить прямо в комнате, тушить сигареты в чайных блюдцах, ругаться матом, не боясь оскорбить чей-то нежный слух, и напиваться до самого поросычьего на свете состояния, зная, что можно спокойно заснуть прямо там, где сидишь, уютно приложившись щекой к салату... Такого безобразия, впрочем, ни разу не случилось, но само осознание его возможности приятно согревало душу.

На этот раз решили собраться у Ивана. Мать обещала напечь пирожков с капустой, один только запах которых действовал на Юрку как валерьянка на кошку. И хоть в присутствии Ивановой матери, Ирины Сергеевны, женщины мягкой, интеллигентной, и нельзя было позволить себе проявлять некоторые мужские слабости, пирожки с капустой оказались все же важнее.

Юрка, как и договаривались, пришел в половине шестого, позвонил в дверь своим фирменным способом – нажав на кнопку и не отпуская до тех пор, пока за дверью не послышится злобный ор Ивана: «Черт, да хватит, хватит уже звонить, уже слышу, уже открываю, вот придурок-то настоящий».

– Черт! Да хватит же... Хватит уже звонить! Слышу! Уже открываю! Вот ведь придурок, а? Придурок...

– Настоящий! – Юрка осклабился, обнажив идеально ровные и белоснежные зубы, вполне пригодные для съемок в рекламном ролике.

– А то не настоящий! – буркнул Иван, принимая из рук приятеля огромный пакет со снедью: традиционный набор, включающий в себя несколько банок темного пива, кое-какую символическую закуску и непременно коробку шоколадных конфет или зефира для Ирины Сергеевны. Ирина Сергеевна каждый раз отбивалась от Юркиных подарков, как настоящий российский патриот от французских захватчиков во время войны двенадцатого года. Но французский захватчик Юрка каждый раз непременно побеждал.

– Здравствуй, друг мой Иван, – церемонно произнес Юрка, отдавая дань сложившейся традиции. – Я тебе пивка принес темненького. Рыбки сушененькой. Любишь ведь, Иван, темненькое пивко, да с рыбкой сушененькой, а?

– А то, – также отдавая дань сложившейся традиции, ответил Иван, который знал заранее, что пиво пить не будет, поскольку завязал со спиртными напитками еще два месяца назад, после белой горячки, случившейся с ним на лестнице между пятым и шестым этажом в турецкой гостинице.

И Юрка это знал тоже. И уже смирился с этой новой странностью своего приятеля – хотя ведь не зря говорят, что надежда умирает последней.

– Что, и сегодня пить не будешь?

– И сегодня не буду.

– Ну-ну.

Юрка прошел на кухню, припал к ручке Ирины Сергеевны:

– Теть Ир, вы сегодня какая красивая! Ну прям королева! А я вам, тетя Ир, принес зефир! В шоколаде! Ой, как пирожками-то пахнет, а? И как это у вас такие вот вкусные да пахучие получаются пирожки, а?

Иван, не больно-то прислушиваясь к кухонным дебатам, методично накрывал на стол в комнате. Две банки «спрайта» – это для него. Селечные пресервы – для всех. Баночка черной икры, баночка красной – на любителя, Иван отнес эти баночки на кухню, приказав Юрке наделать бутербродов. Юрка в это время уписывал уже третий по счету пирожок с капустой.

Пивных банок на этот раз было аж целых шесть. Иван несколько удивился такому количеству: не иначе, его приятель решил сегодня напиться как следует. Может, случилось что?

О том, что именно случилось, он узнал совсем скоро.

Сначала поболтали о том о сем, как водится. Иван рассказал про новый свой проект и нового заказчика, очень капризного и весьма надменного генерала. Юрка, как водится, пожаловался на тяжелую жизнь зубного врача, потом долго и с упоением рассказывал о каком-то наисложнейшем случае пародонтоза у одной пациентки. Присоседившаяся на полчаса тетя Ира кстати вспомнила про похожий случай пародонтоза у своей подруги, бесстрашно назвав ее при этом Верой.

За час прикончив три банки портера, Юрка откинулся на спинку кресла и многозначительно замолчал, уставившись на Ивана.

Иван вздохнул:

– Ну давай уже. Не томи. Что там у тебя такое накипело, о чем ты по этому поводу решил пивом ужраться?

– Вообще-то я решил ужраться пирожками, а не пивом, – поправил Юрка, откусывая кусок очередного капустного пирожка. – А пиво – это так, на закуску. И с чего ты взял, что у меня что-то такое накипело, что я тебе непременно рассказать должен?

– А с того, что глаза у тебя как у кота Матроскина. Хитрые и довольные.

– Понятно. По глазам, значит, определил? Иван усмехнулся, вспомнив их недавнюю беседу:

- Ну да, по глазам.

- Значит, помнишь наш с тобой разговор в прошлый вторник? Как, кстати, мой зуб?

- Прекрасно. Только он все-таки мой, а не твой.

- Я ж его лечил. Ну да ладно, пусть твой будет, мне не жалко. Значит, помнишь наш разговор в прошлый вторник?

- Да помню, помню я наш дурацкий этот разговор!

- И никакой не дурацкий. Я вот тут по этому поводу... гм... в общем, кое-какие шаги предпринял.

- Какие такие шаги? Ты о чем вообще?

- Не о чем, а о ком. О русалке твоей. Помнишь?

- Юр, да ты сдурел, что ли, совсем? Какие шаги?

- Ладно, чего ты сразу в бой-то лезешь? Я ж ничего такого не сделал. Я просто подумал - может быть, ты захочешь знать...

- Что я захочу знать?

- Ну... В общем, помолчи. Я сперва все скажу, а потом ты возражать будешь. Я тебя ни к чему принуждать не собираюсь... В общем, слушай. Ты ведь знаешь, что у меня братец есть? Старший? Ну, чего молчишь-то?

- Ты ж сам велел молчать. Вот и молчу.

- Тьфу, дурак. Ну на вопрос-то ответить можно же.

- А ты не задавай глупых вопросов. Разве сам не знаешь, что я знаю, что у тебя братец есть? Чего тогда спрашиваешь?

– Ну вот. Братец. И ты, конечно, знаешь, где он работает. В общем, я его попросил, чтобы он узнал... Через паспортно-визовую службу... Короче, – выдохнул наконец Юрка, взбесившись от собственных долгих предисловий. – Короче, слушай. Эти две девчонки, они на самом деле из Саратова. И я теперь все про них знаю. Ну, или почти все. Одна... Одну правда Ларисой зовут. Она живет на Бахметьевской, здесь недалеко совсем, вдвоем с матерью. А отца у этой Ларисы нет. То есть он как бы есть, но в то же время его нет, потому что он живет... в Зимбабве. Вот, выговорил. Это государство такое. На юго-востоке...

– Да знаю я про государство! – сам от себя не ожидая такой резкости, перебил Иван. – Дальше давай!

– Вот. Одна, значит, на Бахметьевской... С мамой. А вторая... Ее зовут Дианой. А фамилия у нее такая прибалтийская, знаешь... Такая прибалтийская фамилия, как у известного баскетболиста...

– Сабонис, что ли? – нетерпеливо подсказал Иван.

– Да нет, не Сабонис... Эстонский баскетболист или тренер, что ли, баскетбольный... Эстонская фамилия. А, вот, вспомнил – Пааде. Диана Пааде. А живет она тоже не очень далеко, на Садовой... И... В общем, живет с мужем. С мужем и... семилетней дочерью. – Юрка недолго помолчал. – Вот. Уж не знаю, которая из них – твоя. Та, что с синими и зелеными глазами сразу. Сам решай...

Юрка вздохнул. И Иван почувствовал себя так, как будто на него только что вылили ушат холодной воды, предварительно пообещав, что вода будет сказочно теплой.

Нет, не может такого быть. Не может быть, чтобы через два месяца после этой встречи вот так сильно забилося вдруг сердце, вот так вдруг всколыхнулась в душе глупая, непонятная, дурацкая и беспомощная надежда. Не может быть, чтобы он слушал Юркины глупости с таким вот напряженным вниманием, не может быть, чтобы он до сих пор не рассмеялся приятелю в лицо и не послал его куда подальше. Не может быть... И уж тем более не может быть такого, чтобы муж и семилетняя дочь... Муж и дочь семилетняя... Нет, не может быть, не может...

- Так которая? - тихо спросил Юрка, глядя куда-то в сторону.

- Конечно... Конечно та, что с мамой живет... Которая из Зимбабве... Она и есть.

- Ну да. Я почему-то так и подумал. Только это не она из Зимбабве, а отец ее.

- Да какая разница.

- Вот и я тоже подумал.

- Что? Что ты подумал? - резко поднявшись, выдохнул Иван. - Ты уж расскажи подробнее. Что именно ты подумал и на кой хрен ты все это затеял, а?

- Да не кипятись ты, Иванушка... Успокойся.

- Нет, уж ты мне скажи... Не надо меня успокаивать! Изображаешь тут из себя... успокоительное средство! Я и так спокоен! Ты скажи - зачем? Вот зачем все это затевать было нужно, а?

Юрка неторопливо открыл очередную банку темного пива:

- Может, выпьешь все-таки? Иван в ответ натужно рассмеялся:

- А что, думаешь - надо?

- Твое дело. Только ты, пожалуйста, рычать на меня перестань, как сторожевая собака. И пойми, что я никакого преступления не совершал. Я ничего такого не сделал, просто узнал - и все.

- Узнал, - усмехнулся Иван. - Ну и зачем ты это узнал? И что теперь с этим делать? И кому это вообще надо?

- Я думал, тебе надо.

- Мне надо? Да я просто так тебе рассказал... Просто к слову вспомнил. Ты про глаза начал говорить... Про то, что зрачки расширяются... Тьфу, черт, глупость

какая! Да я уже и думать забыл про эту встречу... Два месяца прошло...

- Если думать забыл, - возразил Юрка, - и если тебе все это до такой степени не важно - чего ж ты тогда так кипятишься?

- Чего, чего... Сам не знаю чего.

Устав сопротивляться, Иван снова вернулся в кресло и залпом выпил несколько глотков «спрайта» из банки.

- Безалкогольный ты наш, - добродушно усмехнулся Юрка. - Ты уж прости меня, дорогой друг Иван, если я что неправильно понял... Только ведь ты и в самом деле в тот день... Во вторник... Когда про девчонку эту со мной разговаривал... Знаешь, ты совсем другой был...

- Это какой - другой?

- Ну, не знаю... Живой, что ли...

- Опаньки! - рассмеялся Иван. - Вот и договорились! Значит, по-твоему, все остальное время я мертвый? И ты столько лет уже пиво не со мной, а с моим бранным телом распиваешь? Струпом?

- Дурак.

- Это ты - дурак, а не я.

- Я ж фигурально... образно выразился.

- Ах, образно. Ах, фигурально. Поэт ты наш! Бросай на хрен свою стоматологию и кропай вирши! Эх, Юрка... Романтик ты неистребимый. - Иван все-таки улыбнулся, немного успокоившись. - Ну, может быть, ты и прав. Может, и в самом деле зацепила она меня, эта девчонка. Немножко. И как-то по-особенному. Хотя видел я ее всего два раза... То есть три, если считать стриптиз. И почти не разговаривал с ней. Но ты пойми другое. Не про меня все это. Не про меня и не для меня - такие вот девочки с косичками и сине-зелеными глазами... Я по-другому на жизнь смотрю. И если мне иногда баба нужна, то чтоб баба, а не

видение бестелесное с ангельскими крылышками за спиной, понимаешь? Понимаешь, в чем разница? У меня жизнь переломанная, у меня душа извращенная и больная... Тебе ли не знать?

- А может, она как раз твою душу-то и вылечит, - не унимался Юрка.

- Душа - это не зуб! - снова вспылил Иван. - И хватит уже образных и фигуральных выражений! И потом... Ну даже если, допустим... Сам же сказал - муж. Муж, дочь семилетняя и еще эта... подружка, будь она неладна. С ума сойти, муж и семилетняя дочь... Ей с виду больше восемнадцати не дашь...

- Ей двадцать шесть.

- Вот ведь братец твой как постарался, - усмехнулся Иван. - Полное досье... Жаль, напрасно старался...

- Да, жаль, конечно... Я и сам удивился, когда он мне про мужа и про дочь... По твоим словам совсем молоденькую девочку представлял...

- Ну да бог с ней. Давай забудем. И накатим еще по банке. - Иван долил остатки «спрайта» в свой бокал, отсалютовал приятелю, сделал несколько глотков.

- Значит... Значит, не будешь ей звонить? И встречаться с ней - не будешь?

А зачем? Чтобы этот ее муж-баскетболист мне фасад расквасил? Или чтоб ее любовница мне его когтями своими расцарапала? Малоприятная перспектива, знаешь ли... К тому же, в любом случае, еще и ребенок. Это что ж мне, по-твоему, придется ее отвоевывать - сперва у мужа, потом у этой... мулатки, а потом... ребенок еще останется... В жизни не мечтал чужих детей воспитывать. А своих... Своих мне, как ты знаешь, Бог не дал.

- Может, даст еще.

- Слушай, а давай ты заткнешься, а?

- Дело твое. Не хочешь - я навязывать не стану.

- Не хочу.

- Значит, не будешь номер ее телефона записывать?

- Не буду.

- Упрямый ты.

- Упрямый.

- Ну смотри, дело твое. Если передумаешь - звони, я тебе номер продиктую. Или можно... На работу к ней... Ну, знаешь, как бы случайно. Она здесь недалеко, в детско-юношеской спортивной школе...

- В детско-юношеской спортивной школе?

- Ну да... И чего ты щеришься, не пойму? Тренером работает.

- По плаванию?

- Нет, по спортивной гимнастике. Здесь, на Чернышевской. Во Дворце спорта.

- Ну, ты все сказал?

- Все.

- Вот и замечательно. Вот и прекрасно. А теперь давай о чем-нибудь... О чем-нибудь более приятном поговорим.

- Это о чем же?

- Да хоть о пародонтозе.

- Мало приятного, скажу я тебе, в пародонтозе.

– Да? Ну вот и скажи, скажи... А я послушаю.

– Послушаешь? Ну, слушай...

В тот вечер Юрка ушел от него в половине одиннадцатого. Иван закрыл за ним дверь и впервые в жизни облегченно подумал: «Ну наконец-то!» Раньше он никогда не испытывал такого облегчения при расставании с другом.

Впрочем, и Юрка раньше тоже никогда не позволял себе два с лишним часа без перерыва рассуждать о зубных болезнях...

Вот гад-то какой, подумал Иван с усмешкой. Теперь ведь всю ночь зубы будут снится. А зубы, говорят, снятся не к добру.

* * *

Может быть, когда-нибудь я смогу рассказать тебе это. Но не сейчас, только не сейчас, сейчас мне даже страшно думать об этом. Пройдет осень, за ней зима, потом снова весна – все просто, все как обычно. День за днем я буду смотреть на тебя и думать о том, как сильно я люблю тебя. Буду думать о том, что эта любовь – самое большое, самое настоящее счастье, которое только можно испытать в жизни.

Раньше я много боялась. Я боялась, например, состариться. Боялась умереть. Боялась заболеть ангиной, потому что после ангины могут возникнуть осложнения на сердце. Боялась выходить из дому, когда темно, потому что в подъезде у нас часто шастали какие-то подозрительные личности. Глупая, правда?

Сейчас даже смешно об этом думать. Потому что я больше не верю ни в старость, ни в смерть, ни в ангину... Сейчас я боюсь только одного – потерять тебя.

Потерять тебя – это хуже, чем старость и смерть. Наверное, если бы у меня был выбор, я предпочла бы сто раз состариться и сто раз умереть – только бы ты осталась со мной. Только бы ты была рядом. Видеть тебя. Слышать твой голос. Прикасаюсь к тебе, целовать твои волосы, вдыхать их запах и, обнимая,

чувствовать, как бьется совсем рядом твое сердце.

Я ужасно боюсь потерять тебя. Иногда я просыпаюсь ночами в холодном поту, с криком, застывшим на губах, – мне снится, что я тебя потеряла. Что ты больше не со мной. Я задыхаюсь от страха, я успеваю несколько раз умереть от этого страха и рождаюсь заново только в тот момент, когда вижу тебя. Ты рядом, все как обычно, не изменилось ничего – изменилась только я, потому что стала любить тебя еще сильнее. Оказывается, это возможно. Раньше, в той, прошлой своей жизни, когда тебя еще не было со мной, когда мы ничего друг про друга не знали и я боялась старости и ангины, я даже не могла себе представить, что можно любить так сильно. Я знаю – никто и никогда не любил так сильно, как я люблю тебя.

Я люблю тебя – и это самое главное. Это значит, что я никогда не состарюсь, не заболею ангиной и не умру. Я просто не могу позволить себе этих маленьких человеческих слабостей, потому что во мне живет любовь, и эта любовь, я знаю, сделает меня бессмертной. Я буду любить тебя до тех пор, пока ты будешь нуждаться в моей любви, я проживу на свете тысячи долгих лет, побив все рекорды – моя жизнь измеряется не годами, а моей любовью. Ничто не сможет помешать мне оставаться рядом с тобой до тех пор, пока ты тоже любишь меня.

Ты ведь тоже меня любишь. Я знаю, ты сто раз говорила мне об этом, ты даже удивляешься иногда, почему я так часто прошу тебя повторить эти три слова, ты часто смеешься надо мной и иногда даже дразнишь меня. Я прощаю тебе это, потому что ты не знаешь...

Ты многого не знаешь... Вот в чем причина, вот где источник моего страха. В твоём опасном незнании. Вот что заставляет меня просыпаться по ночам в холодном поту, вот что заставляет иногда целовать тебя до иступления и прижимать тебя к себе так сильно, словно в последний раз...

Ты никогда не спрашивала меня о моей прошлой жизни. О той жизни, которая была до тебя и в которой я боялась старости и смерти. В той прошлой жизни я еще не знала тебя, не знала, что ты живешь где-то совсем рядом, и понятия не имела о том, что когда-нибудь мы встретимся и будем любить друг друга. Если бы тогда, в той, прошлой жизни, кто-нибудь сказал мне об этом, я бы рассмеялась в лицо. Я бы сказала, что никогда не смогу полюбить тебя. Я бы ответила, что такого просто не бывает. Что такая любовь противоестественна. Что она нарушает законы природы. Я бы не поверила. Нет, ни за что не поверила

бы...

Тогда, до встречи с тобой, я любила мужчину. Мне казалось естественным – любить мужчину, быть рядом с мужчиной. Он был красив, как греческий бог, им можно было любоваться, как любят картину. Он был фантастически нежен. Он целовал пальцы моих ног в первый вечер нашего знакомства – тогда он еще ни разу не касался моих губ, и это было так необычно. Мы познакомились на пляже, я поранила ногу осколком стекла. Он поднял меня на руки, отнес к воде и промыл рану. Потом стал дуть на палец, а потом прикоснулся к нему губами.

Я рассматривала его, пользуясь тем, что он полностью сосредоточил взгляд на моих пальцах. У него были светлые, выгоревшие на солнце волосы. Я видела перед глазами только его макушку и уже тогда, в первые секунды нашей встречи, чувствовала, что схожу с ума от желания прикоснуться к ней, к этой выгоревшей макушке, губами. Точно так же, как он только что прикоснулся губами к пальцам моих ног.

Потом он поднял на меня глаза. Глаза были карие.

С тех пор мы не расставались. Я стала жить у него – по утрам он приносил мне кофе в постель, потом нес меня на руках в ванную, купал, как ребенка. Готовил на кухне завтрак – смешной, в спортивном трико и в фартуке, с гривой взъерошенных волос, с выражением полнейшей сосредоточенности на лице, он смешивал в миске творог и яйца и жарил для меня сырники, потому что больше всего на свете я любила сырники... Он уходил на работу – я провожала его, закрывала за ним дверь, долго слушала затихающий шум его шагов по лестнице, долго стояла у окна и махала вслед. Он скрывался за поворотом – вскоре я уже мчалась к телефону, снимала лихорадочно трубку, чтобы услышать: «Я люблю тебя, Кошка... Я ужасно соскучился, знаешь...» Он называл меня Кошкой. Он звонил мне с работы каждый час и каждый час говорил одно и то же. Я ждала каждого его звонка, а в промежутках между звонками боялась старости и смерти – всего того, что может разлучить нас. Я готовила для него ужин, листая страницы кулинарных книг и строго соблюдая рецептуру. Если рецептура была дана в граммах, я взвешивала продукты на электронных весах. Если нужно было взвесить яйца, сперва я взвешивала пустой стакан, потом разбивала в стакан яйца... Я была безмерно счастлива и ни разу не приготовила ничего нормального, потому что его звонки заставляли меня забывать о том, что на плите у меня что-то варится или жарится. Я мчалась к телефону, чтобы услышать его, а потом долго сидела, накручивая на палец телефонный шнур, и

умирала от счастья, и снова боялась старости и смерти... До тех пор, пока с кухни не начинал валить дым, он-то и заставлял меня спуститься с небес на землю. Я ужасно расстраивалась, со слезами на глазах терла порошком испорченную кастрюлю, потом начинала смеяться – просто так, от счастья, и снова бежала к телефону... Вечером он приходил домой, сгребал меня в охапку и осыпал поцелуями. Я уже не думала об ужине – через пару часов, обессиленные от любви, мы плелись в какой-нибудь расположенный неподалеку ресторан, выпивали по бокалу вина, съедали по две порции какого-нибудь мясного блюда. Все это – с до неприличия здоровым аппетитом и со смехом влюбленных идиотов...

Я думала, так будет всегда. Любить его было для меня так же естественно, как дышать, хотеть его – так же естественно, как испытывать жажду... Я жила словно в пустыне, я постоянно испытывала эту жажду. Мы занимались любовью везде и всегда. Дома, в его машине, в лифте, в лесу, на свежей весенней траве, возле воды, на пляже... Однажды даже на крыше... Да-да, на крыше девятиэтажного дома, в тот вечер у моей подруги был день рождения, однокомнатная ее квартира была полна гостей, а ванную комнату уже успел кто-то занять раньше нас... И тогда он придумал про крышу. Там было здорово, на крыше, – небо темное, почти беззвездное, вечер теплый и ласковый, и совсем не хотелось оттуда уходить... Когда мы вернулись, все гости уже разошлись по домам, и хозяйка очень удивилась тому, что мы сначала ушли, ни с кем не попрощавшись, а потом вдруг вернулись в первом часу ночи непонятно зачем. По дороге домой мы без конца смеялись, вспоминая выражение ее лица...

Я даже представить себе не могла, что все это однажды кончится. Я была убеждена, что разлучить нас может только смерть, а охладить наши чувства – только старость. Но до старости было еще далеко, хоть я ее и боялась, очень далеко до нее было, поэтому и не приняла я всерьез его отлучки по выходным. Радовалась, что дали ему на работе повышение, что теперь он – начальник отдела, и что с того, что в субботу во второй половине дня мне приходится смотреть в одиночестве черно-белые фильмы. Ускоренный, словно разорванный на куски ритм движений, немота, отсутствие цвета. Бродяги в рваных обносках и стоптанных туфлях, отважные тихони в очках в тонкой оправе, простофили в смешных шляпах и неудачники в белоснежных костюмах и галстуках-бабочках. Они помогали мне ждать его, сокращая невидимое время.

Я не чувствовала, что он больше меня не любит. Хотя нет, вру – не хотела чувствовать. Боялась себе признаться, даже в самых своих сокровенных мыслях,

даже во сне...

И даже в тот момент, когда увидела его с ней, – все равно не призналась.

Я увидела его с ней случайно. В ту субботу во всем доме отключили свет. Я собиралась посмотреть «Огни большого города» в очередной, сто восьмидесятый, наверное, раз. Но свет отключили. Поэтому я не смогла смотреть фильм. А ждать его в одиночестве, наедине с часами, с заторможенными стрелками, убийственно медленно ползущими по циферблату, я просто не могла. Я сняла часы со стены и запихала под подушку. Прикрыла их пледом, но они все равно тикали. Время, спрятавшись под подушкой и пледом, словно в отместку стало еще медлительнее. Я достала часы из-под подушки и пледа и со злостью вытащила из корпуса батарейки.

И тогда время остановилось совсем.

А мне стало страшно. Я вдруг подумала о том, что, может быть, на самом деле остановила время. А если так, то, значит, в доме никогда не включат свет. И я никогда не сдвинусь с места, все так и буду сидеть на диване, в полутемной комнате, поджав под себя ноги и сжимая в руках безмолвный корпус настенных часов. И он уже никогда ко мне не вернется...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Добрый вечер, мадам! (фр.)

2

Куда так спешите? Не хотите ли разделить со мной этот волшебный вечер? Если, конечно, ваша подружка не будет против... (фр.)

3

Или вы совсем не любите мужчин? Даже таких красивых и богатых, как я? Или, может быть, я кажусь вам немного пьяным? Или... (фр.)

4

Мадам! Вы мне не ответили... (фр)

Купить: https://tellnovel.com/egorova_ol-ga/magicheskiy-kod

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)